

АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ

КСЕНОБ-19

Иной разум

Андрей Ливадный

Ксеноб-19

«Автор»

2006

Ливадный А. Л.

Ксеноб-19 / А. Л. Ливадный — «Автор», 2006 — (Иной разум)

Никто из жителей колонии Ксеноб-19 не задумывался о названии планеты. Оторванные от Земли, потерявшие связь с прародиной, они боролись за выживание, как могли. Немногие задавались вопросами и пытались отыскать истину, понять почему колония медленно вымирает, а город превращен в Цитадель, осаждаемую механоформами иной расы. Несколько человек, стечением обстоятельств поставленных вне общества, находят в себе силы пойти на риск, ради выяснения истины. Никто из них даже не представлял какой она будет – правда о самих себе...

© Ливадный А. Л., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Пролог	5
Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Андрей Ливадный

Ксеноб-19

Пролог

Город возвышался на берегу залива.

Огромный мегаполис имел вид подковы, он словно обнимал водную гладь, сбегая к галечным пляжам исполинскими уступами жилых кварталов, постепенно сходя на «нет» – ближайšie к воде строения уже являлись одноэтажными и тонули в зелени парков, зато обратная сторона «подковы» вздымалась к облакам вертикальной стеной, выгибаясь навстречу враждебному миру неприступным валом прочнейшего стеклобетона, в толще которого располагались сотни оборонительных уровней, рубежей, постов – электронно-механический мир, стоящий на страже города, никогда не спал, – миллионы сенсоров сканировали дальние и ближние подступы, контролировали воздушное пространство, а еще выше, в районе орбит, десятки спутников ткали незримую паутину тотального контроля.

Если смотреть на спутниковую карту материка, то взгляд различал инфраструктуру постепенно приходящих в упадок внешних дорог, сеть заброшенных агроферм; кроме этого на снимках из космоса были отчетливо видны постепенно, год от года уменьшающиеся в размерах так называемые «зоны терраформирования». Искусственные лесопосадки, не смотря на тщательный уход, постепенно мельчали, вырождались, деревья, не успев окрепнуть, начинали сохнуть, теряя целые ветви, а то и вовсе засыхая на корню. Очевидно, лесопарковые зоны не могли нормально развиваться на узкой полосе прибрежной земли в тесном соседстве с огромным городом, но вне защищенных укреплениями стен не произрастало вообще ничего. Если подняться на самый верх исполинской «подковы» то можно было увидеть равнину: опаленную, покрытую бесчисленными шрамами свежих и уже оплывших воронок, с обязательной коркой остекленевшей почвы по краям. Такой абсолютно безрадостный для глаза ландшафт простирался приблизительно на одну четверть площади материка, постепенно сливаясь с линией горизонта.

Город с замкнутыми циклами жизнеобеспечения, существовал в тесной связи с океаном, кроме того, в основании исполинской постройки виднелись защищенные дополнительными укреплениями арочные «входы» через которые к побережью несли свои воды две реки.

В океане неподалеку от залива возвышалась гряда островов, рельеф которых подвергся тотальным изменениям в результате человеческой деятельности – там располагались стартовые комплексы космопорта и мощные системы противоздушной обороны.

Город, с многотысячным населением был замкнут, окружен со всех сторон свидетельствами успешного поначалу, но внезапно остановленного планетного преобразования. Мегаполис функционировал максимально изолировано от внешнего мира, и это обстоятельство не могло не сказаться на образе жизни населявших его людей.

Если бы не высокие кибернетические технологии, то быт граждан колонии превратился бы в несносное существование: скука и однообразие похожих друг на друга дней, одни и те же лица, ограниченность пространства, отведенного для проживания и отдыха, грозили социальными катастрофами психическими заболеваниями, но...

Решением большинства глобальных проблем для жителей мегаполиса стал введенный системой СКАД¹ проект «параллельных жизней».

¹ СКАД – Система Кибэвристического Анализа Данных. Эвристика – совокупность логических приемов и методологических правил теоретического исследования и нахождения истины (одно из значений).

Истоки данной технологии уходили в глубины секретных разработок военного ведомства, никто из пользователей киберпространства не мог с точностью сказать, кто изобрел, а затем внедрил в повседневную жизнь устройства «психологической разгрузки» связанные с адаптивными виртуальными реальностями, уникальными для каждого отдельного взятого человека.

Ходили слухи, что данная технология была привезена с Земли, и изначально существовала в виде программы психологической разгрузки для бойцов спецподразделений, но истины не знал никто, – существовал информационный разрыв между первыми поселенцами и поколениями их потомков, возникший в результате провала программ терраформирования, и так называемым «темным десятилетием» когда все силы и ресурсы колонии были брошены на возведение самодостаточного города-крепости, призванного не только стать домом для сотен тысяч колонистов, но и защитить их от агрессии со стороны враждебных всем живому механоформ, безраздельно властвующих на материке...

Город-крепость хранил много тайн, но современное поколение не стремилось разгадать их – надежно защищенные, обеспеченные всем необходимым, люди чувствовали себя вполне комфортно и уверенно, не задаваясь лишними вопросами – они принимали данность, которая их вполне устраивала.

По крайней мере, так поступало большинство, за исключением единиц, которые по тем или иным причинам не вписывались в систему, создавая нежелательные прецеденты поведения.

Обычно такие возмутители спокойствия исчезали быстро и незаметно для других граждан колонии.

Часть 1

Глава 1

Верхние уровни Цитадели. Настоящее...

О чем мечтают люди?

Говорят все мечты лежат у нас глубоко в подсознании, и только прямой контакт нейронов с сетью, где среди прочего существует твой, сугубо личный виртуальный мир, способен вскрыть пласт потаенного.

Да, в большинстве случаев это действительно так. Виртуалка раскрепощает, она сильна своей анонимностью и поистине уникальными возможностями для реализации самых причудливых фантазий, которые не выразишь в «реале».

...Старинные электронные часы тихим печальным зуммером отметили наступление полуночи, когда капитан Светлов сменился с дежурства.

Он передал вахту на одном из тысяч боевых постов другому офицеру и теперь медленно спускался по широкой лестнице к вестибюлю уровня, за бронированными окнами которого открывался вид на обширную парковку.

Флайкар Светлова внешне мало отличался от других машин, разве что цвет серебристого металика вот уже несколько лет как вышел из моды, но Антон не менял окраску, – машина устраивала его такой, как есть, а следовать за изменчивыми веяниями ему казалось глупой тратой времени и средств

За десятки километров от парковки в квартире одного из жилых модулей, его ждал ИПАМ². Единственное существо, к которому он испытывал чувство приязни в этом мире, как ни странно являлось автономным электронным устройством, ядром домашней кибернетической системы.

Определив, что хозяин сдал дежурство, его верный многолетний спутник, и бессменный «хранитель» холостяцкого быта, вышел на связь:

Антон, что заказать на ужин?

Светлов мысленным приказом разблокировал двери надежного, служившего ему уже не первый год «Ориона» и сел в кресло водителя.

Усталость казалась свинцовой, хотя в период его двенадцатичасового дежурства не произошло ничего экстраординарного.

Светлов ненавидел такие дни. Лучше бы в одиночку схлестнуться со стаей рагдов³, чем двенадцать часов кряду просидеть в кресле, напряженно ожидая, что вот сейчас на датчиках сенсорных систем появятся активные маркеры целей...

Подобное ожидание всегда выматывало его до предела.

² ИПАМ – Индивидуальный модуль, снабженный подсистемой псевдоинтеллекта. Аппарат сферической формы, оснащенный анигравом, струйными движителями, системами сканирования, беспроводной связи с имплантом хозяина, синтезатором речи. Является универсальным ядром для различных типов бытовых Кибернетических сетей. Изначально проектировался как «помощник астронавта». По обстоятельствам может осуществлять мелкий ремонт, проникать в труднодоступные для человека места, вести разведку и наблюдение. В быту широко используется как персональный компьютер с интерфейсом мнемонической связи.

³ Рагды – небольшие, но весьма опасные механоформы, оснащенные анигравом и небольшими по мощности, скорострельными импульсными лазерами. Вообще рагды не представляют серьезной угрозы для бронированной техники, но бронежилеты и боевые шлемы бойцов способны выдержать лишь одно-два попадания, потом материал начинает нагреваться и плавиться.

Что на ужин, Антон?– Пришел повторный запрос от ИПАМа.

Закажи что-нибудь сам. Ты знаешь мои вкусы.

ИПАМ умолк. Вкусы Антона ему действительно были хорошо известны.

Светлов некоторое время сидел, вдыхая свежий ночной воздух, проникающий в салон «Ориона» через приспущенное боковое стекло.

Окружающие городские кварталы и уровни, украшенные вечерней феерией разноцветных голографических реклам казались ему в эти минуты унылой, серой, строго функциональной громадой, не способной пробудить в душе по-настоящему теплых ответных чувств. Он относился к городу равнодушно, как данности, хотя прошел его от самого дна до вершин, от нищеты до благополучия, и вот тут как раз произошла переоценка, он вдруг одним светлым не предвещающим ничего дурного днем понял: он узник мегаполиса, и люди, живущие рядом, являются всего лишь винтиками огромного самодостаточного комплекса, живут, не ощущая собственной посредственности, потому что в «реале» у них есть только работа, а понятие «жизнь» переместилось в фантомный мир грез.

Для чего? Какой смысл в подобном существовании? Сами ли мы загнали себя в клетку, или чья-то воля злонамеренно создала существующий порядок вещей?

Ему ли задавать себе злые, общественно опасные вопросы? Разве не на глазах Светлова спешно возводили защитный вал цитадели, разве не он сам находился в самой гуще событий, создавших этот город, два десятилетия назад?

Прочь эти мысли.

СКАД не дремлет. Ментальные поля⁴ вполне могут быть прочитаны специальными устройствами, и если в виртуалке тебе позволено практически все, то жизнь в «реале» строго регламентирована, вплоть до оценки субъективных мнений отдельных членов общества о целесообразности существования системы глобальной безопасности.

Светлов поднял стекло и касанием сенсора завел двигатель.

Тоска по несбывшемуся засела где-то под сердцем. О чем он сожалел? Что за нереализованные стремления заставляли его испытывать глухое раздражение?

ИПАМ я буду через десять минут. Подготовь модуль виртуальности.

А ужин?

Не хочу есть. Счтешь необходимым – покормишь внутривенно.

Ответа на последнее замечание не последовало.

ИПАМ заранее знал, что все произойдет как обычно. Его хозяин почему-то пренебрегал заботой о здоровье собственного физического тела, как будто игнорировал потребности организма.

* * *

Вернувшись домой, Светлов действительно не стал ужинать. Он разделся, принял душ, но так и не смыл усталость, которая была скорее моральной, чем физической.

Пройдя в спальню, он присел на край широкой кровати, недобро покосившись на компьютерный терминал, вмонтированный в изголовье.

Псевдожизнь.

Почему он не получал от нее морального удовлетворения, как другие люди? Что в нем не так устроено?

Наверное, Антону просто претило бегство от проблем, ему казалось неправильным, что мир просто существует, однобоко, однообразно, словно застыл в мертвой точке развития, а

⁴ Ментальные поля, – мысли человека транслируемые устройствами импланта из-за недоработок последнего.

все интеллектуальные и душевные силы людей уходят в никуда, они бесцельно расходуются в вымышленном, не существующем мире, призванном подменить реальность.

Тонкий покрытый глянцевой оболочкой кабель прямого соединения, в видении Антона походил на какую-то притаившуюся меж подушек тварь с тонким иглообразным жалом, готовым впиться в мозг.

Он лег, закрыл глаза, на ощупь нашел разъем и точным, заученным до автоматизма движением соединил контакт компьютерного терминала с ответным гнездом своего импланта.

ИПАМ неслышно подлетел к изголовью кровати. Его сенсоры фиксировали биоритмы человеческого организма, а передающие устройства беспроводной связи уже вошли в информационный контакт с компьютерным терминалом, побуждая автоматику выполнить ряд инструкций.

Так происходило фактически всегда. Антон как будто специально игнорировал правила, не заботясь о соблюдении строгой процедуры перехода в иную реальность. Он подключал кабель прямого соединения, по сути, бросая свое физическое тело на произвол судьбы.

Возможно, Антону было действительно наплевать, выйдет он из иной реальности или нет, но ИПАМ не мог допустить подобной халатности. Под его бдительным контролем от изголовья кровати выдвинулись два манипулятора, которые аккуратно поправили положение человеческого тела, затем зафиксировали лодыжки и запястья Светлова мягкими, но прочными ремнями, и ввели в вену два стандартных зонда системы жизнеобеспечения, через которые подавались необходимые питательные вещества и препараты, обеспечивающие организму полноценный отдых в то время, как рассудок человека частично бодрствовал, воспринимая иную реальность.

Собственно такая процедура являлась основой технологии «параллельная жизнь». Организм человека получал полноценный отдых, в то время как рассудок несколько часов подряд бодрствовал в иной реальности, являвшейся генерацией кибернетической системы, считывающей мысли индивида.

На отдых отводилось двенадцать часов. Шесть из них человек проводил в личном фантомном мире подчиненном исключительно его желаниям, затем эта фаза заканчивалась, и оставшиеся шесть часов мозг так же отдыхал, погружаясь в глубокий, лишенный сновидений сон.

Таким образом, спустя двенадцать часов человек просыпался, полностью отдохнувшим, а полученные в виртуалке впечатления не воспринимались им как сновидение, для разума они проходили на уровне реальности, стирая удручающую серость существования в мире физическом.

Так для большинства людей проходили годы, а иногда и вся жизнь.

ИПАМ не мог оценить, насколько правильна и полезна процедура «параллельной жизни». Он не нуждался в отдыхе или пище, но показания систем жизнеобеспечения непосредственно перед пробуждением Антона всегда были чуть лучше, чем перед отходом ко сну.

* * *

Светлов не сразу пришел к существующей концепции построения своего виртуального мира. Поначалу его вселенная была совершенно иной, дарующей скорее боль, чем отдых, но постепенно, по мере того как тускнели воспоминания, менялась и фантомная реальностью, которая теперь (в современном виде) стала не полигоном для изматывающих испытаний собственной души, а неким пространством моделирования, где он воссоздавал структуру иного мира, по крохам собирая информацию о нем из доступных сетевых источников.

Прототипом фрагмента реальности, над моделью которого Антон трудился уже не первый год, являлась Земля – далекая, достижимая лишь в мечтах прародина, откуда более полувека назад стартовал колониальный транспорт с его предками.

Личную Вселенную Антон создавал кропотливо.

Ему хотелось смоделировать реальный фрагмент земного ландшафта с флорой и фауной, но пока дело не продвинулось слишком далеко: ощущалась нехватка информации, Светлов находил странным тот факт, что в доступных для изучения базах данных о далекой прародине упоминалось лишь вскользь. При здравом размышлении, его предки, покидая Солнечную систему, должны были понимать, что колонизации нового мира востребует все научные и технические знания, накопленные человечеством за тысячелетия прогресса, а культура цивилизации, ее духовность, заключенная в произведениях искусства, истории, обеспечит преемственность поколений, неразрывную моральную связь с оставшейся в невообразимой дали цивилизацией.

Антон искал, но не находил исчерпывающих ответов на большинство возникавших у него вопросов.

С точки зрения здравого смысла ситуация складывалась непонятная, – будто прошлого не было, о нем остались лишь смутные упоминания, выраженные в безликих формулировках.

Подавляющее большинство информационных ресурсов было посвящено данности, дню сегодняшнему, словно у огромного густонаселенного города действительно не существовало прошлого...

В такую трактовку Антон конечно не верил. С тех пор как он познакомился с виртуальной реальностью, Светлов часто находил обрывочные исторические свидетельства, разрозненные, будто вырванные из широкого контекста. Он понимал, что воспринимает лишь фрагменты информации, случайно избежавшие удаления или перемещения.

Череда заданных самому себе вопросов тянулась с той поры, как он случайно отыскал в информационном хранилище электронную версию учебника естествознания, – науки охватывающей все сферы человеческой деятельности.

Прочитав его, он испытал недоумение, граничащее с шоком.

Получив некоторый опыт логического мышления, он невольно ставил себя на место тех, кто основывал колонию и... не находил многого, о чем должны были позаботиться люди, отважившиеся на многолетний перелет через бездну пространства и освоение новой планеты.

Своими мыслями Антон предпочитал не делиться даже с лейтенантом Фогелем, которого по праву считал своим надежным, проверенным другом.

Однажды он попробовал завести разговор на интересующие его темы, но Курт лишь отмахнулся, пожав плечами:

– К чему тебе знать прошлое? Мало проблем в настоящем?

Светлов понял, что благодарного собеседника ему не найти, и с тех пор носил свои мысли при себе, стараясь не высказывать вслух. Однако, он не мог закрыть глаза и сказать самому себе: *я ничего не вижу*.

Он видел, и недоумение Антона росло пропорционально возрасту.

Только тут, в виртуалке, складывая вместе обрывочные свидетельства, он мог остаться наедине с самим собой, полностью отдаться зародившейся более десяти лет назад страсти – он мечтал создать в виртуальном пространстве достоверный фрагмент далекой прародины. Страсть творца, изыскателя, толкала его на постоянный поиск утраченного, он собирал крупицы знаний по всей сети, не уставая удивляться их скудости и разрозненности.

Антон мечтал восполнить огромный пробел, который иногда казался ему пропастью, он хотел, чтобы история начиналась не десять-двадцать лет тому назад...

С такими мыслями Светлов приходил в свой мир, иногда принося что-то новое: крупицу информации найденную в сети в период долгих, утомительных дежурств, или добытую ИПА-

Мом во время отсутствия хозяина. Подобные находки постепенно стали для Антона единственной радостью: он очень дорожил любым свидетельством прошлого, позволяющим ему наложить еще один правдоподобный штрих на постепенно формирующуюся реальность, и в такие дни он действительно ощущал себя счастливым.

Сегодня он не принес с собой ничего кроме мрачного настроения.

* * *

На просторе его реальности только начиналась весна.

Многое ему помог смоделировать ИПАМ, – бодрствуя двадцать четыре часа в сутки, он проделал массу кропотливой работы, создавая виртуальную биосферу со всеми присущими ей явлениями. В распоряжении Антона имелись некоторые видеозаписи, из которых можно было получить общее представление о рельефе, климате и населенности умеренных широт евразийского континента планеты Земля. В основном это были любительские съемки, вероятно принадлежавшие первому поколению колонистов, – они снимали родную планету, места, где жили, прежде чем отправиться в долгий рискованный перелет к иной звездной системе.

Если с природой, климатом и рельефом все было понятно, то следы человеческой деятельности, запечатленные на видеозаписях, вызывали у Антона ощущение зловещей загадки.

Он наблюдал одну и ту же картину: люди на Земле проживали в небольших поселениях, их дома утопали в зелени, но у горизонта (куда бы не поворачивались камеры во время съемок), неизменно возвышались полуразрушенные конструкции, в которых без труда можно узнать города-мегаполисы, опустевшие, заброшенные, частично разрушенные, и постепенно ветшающие.

Антон мог сделать из увиденного только один вывод: прародина пережила катастрофу техногенного характера. Он долго размышлял, прежде чем пришел к однозначному мнению на этот счет. Землетрясение, равно как и иные стихийные бедствия, он отверг после кропотливого изучения отдельных кадров: разрушенные мегаполисы несли характерные следы воздействия высоких температур, многие несущие конструкции, созданные из металлов, выглядели деформированными, оплавленными, каркасы городов устояли, но в них невозможно стало жить. На одном из увеличенных стоп-кадров Светлов смог отчетливо рассмотреть улицу, похожую на сумеречное ущелье; в застывшей реке расплавленного во время катастрофы пластика, виднелись остовы сгоревших машин, более мелких деталей ему рассмотреть не удалось, но и увиденного хватило, чтобы осознать глобальный масштаб катастрофы, уничтоживший исполинские города.

Светлов не стал переносить в созданную им реальность эти зловещие и печальные памятники недоступной для него истории.

Новая информация в сети отыскивалась все реже, и тем чаще он приходил сюда просто отдохнуть, дать рассудку расслабиться после напряжения утомительных дежурств....

...Сегодня отдыха не получилось.

Антон почувствовал неладное, как только его разум слился с фантомной реальностью.

Чувство неосознанной тревоги возникло мгновенно, словно в рассудке сработал датчик опасности, определивший постороннее присутствие.

Вообще виртуальные вселенные, принадлежащие жителям мегаполиса, по умолчанию считались «открытыми», свободными для доступа, но Светлов, кропотливо создавая свой мир, изменил настройки, не желая, чтобы ему мешали, а тем более стояли «за спиной», наблюдая, или хуже того – вмешиваясь в процесс творения.

Постепенно он привык к одиночеству и даже научился ценить его. Мир Антона так и остался закрытым для посещений, он никого не приглашал сюда, наоборот старался упрочить

созданную защиту, чтобы избежать не только появления случайных посетителей, но и сделать свой уголок виртуалки «невидимым» для других обитателей сети.

Конечно, полностью спрятать собственный ресурс он не мог, глобальная сеть города находилась под неусыпным контролем СКАДа, который видел и знал все, постоянно сканируя как реальный мир, так и виртуалку, но видимо личное творчество Светлова, как и его добровольное затворничество не находило возражений в рамках системы, программы контроля не усматривали нарушения в ограничениях, наложенных на доступ в отдельно взятый виртуальный мир. Если его хозяин желает одиночества, – пожалуйста, лишь бы он в реальности оставался общителен и адекватен.

...Антон не смог проигнорировать чувство подсознательной тревоги.

Созданный им участок земной поверхности обладал разнообразным рельефом, но был ограничен по площади. Тщательная проработка всех присущих реальному миру Земли явлений отнимало большинство выделенных Светлову ресурсов, поэтому приходилось жертвовать «просторами» в угоду достоверности и сложности протекавших на ограниченных площадях процессов.

Он обычно приходил в свой мир, появляясь на опушке березовой рощи, по правую руку в овраге тек ручей, за рощей вздымался поросший кустарником холм, слева простиралось поле, заросшее травами, сразу за холмом высился хвойный лес, где на поляне стоял небольшой двухэтажный дом.

Ручей огибал возвышенность и превращался в небольшую речушку, протекавшую через лес, недалеко от поляны.

Вот, за исключением иллюзорного горизонта (там, где взгляду открывалась перспектива) и вся «личная вселенная» уникальность которой заключалась в том, что здесь сменяли друг друга времена года, обитали животные и птицы, менялась погода...

Сегодня было тепло, влажно и ветрено. Снег сошел пару недель назад, только в лесу еще кое-где виднелись ноздреватые подтаявшие сугробы, а на березах уже набухли почки, выпуская на свет клейкие молодые листья.

Антон некоторое время стоял, прислушиваясь к внутренним ощущениям.

Да, вне сомнений, тщательно воссозданная гармония была нарушена, но не грубым вмешательством, чувства подсказывали, что рядом кто-то есть, однако это присутствие поначалу так сильно, болезненно ударившее по нервам, теперь постепенно истончалось, словно таяло в звонком весеннем воздухе.

Может быть я просто устал?

Светлов подошел к берегу ручья, присел, зачерпнул воды и умыл лицо, чувствуя, как живительная влага снимает тревогу, хотелось сесть на берегу и смотреть на талые воды, уносящие дурные мысли, необъяснимым образом дарующие покой, как будто он каждую ночь возвращался из далекого утомительного путешествия на *родину*.

Наверное, в душе так и происходило. Антон многое повидал и пережил, но ни чуждая природа колонизированной планеты (которая вызывала у него лишь стойкие негативные ассоциации), ни участки терраформированной поверхности, ни урбанистические виды мегаполиса никогда не дарили ему даже бледного отголоска подобных чувств. До того как руководство колонии начало внедрять программу «параллельных жизней» Светлов не имел понятия, что на свете существуют, к примеру, березы. Он увидел их только тут, в процессе формирования личной реальности, сначала маленькими робкими побегами, затем тесной и стройной порослью, и, наконец, по прошествии нескольких лет, молодые деревца образовали рощу, – нечто необъяснимо-прекрасное, притягательное будто магнит...

Где скрывались истоки очнувшихся, острых, и в то же время щемящих, как будто знакомых, но прочно позабытых чувств?

Антон все больше убеждался, что в нем начал работать некий механизм генетической памяти, – он никогда не бывал на прародине человечества, но видимо воссозданный участок поверхности далекой Земли обладал высокой степенью реальности, раз его душа отдыхала тут, испытывая едва ли не перерождение.

Он снова зачерпнул воды, но та вдруг просочилась меж неплотно сжатых пальцев.

Светлов выпрямился, оглядываясь вокруг.

Что-то продолжало нести дискомфорт, будто в окружающую гармонию вплеталась не распознанная пока фальшивая нота.

Неопределенности Антон не выносил.

ИПАМ – мысленно позвал он, твердо зная, что его кибернетический помощник услышит мнемонический оклик и появиться тут, подключившись к глобальной сети.

Так и произошло – секундой позже в воздухе материализовался сферический аппарат.

Он описал полукруг и застыл чуть выше правого плеча Антона; слова сейчас не требовались, *ИПАМ* (вернее его виртуальный образ) прекрасно читал мысли хозяина и полностью воспринимал ощущение тревоги, не покидавшее Антона.

Прошло несколько томительных секунд ожидания, прежде чем Светлов смог получить результат сканирования.

Он думал, что чувство тревоги вызвано каким-то внутренним сбоем в отлаженной работе виртуальной модели, но все оказалось много сложнее.

Матрица сознания – шепнул мнемонический голос. – *Я не могу ее локализовать. Она...* – *ИПАМ* вопреки обыкновению запнулся, подбирая правильное слово для определения, – *она повсюду.*

Светлова обескуражило такое сообщение. Одно дело встретить фантомную личность, вторгшуюся в его мир по случайности или с умыслом, но *ИПАМ* утверждал, что не может позиционировать образ, как будто сознание другого человека растворилось в воздухе, слившись с виртуальной реальностью, став частью каждого листика, каждой былинки...

Такое вообще возможно? И к чему подобная маскировка?

Оно присутствует здесь давно. Уже неделю, как минимум.

Почему я ничего не чувствовал раньше?

Оно пряталось.

А сейчас нет?

Сейчас его можно распознать.

Светлов не привык церемониться.

– Выходи! – Требовательно произнес он, обращаясь... к собственной реальности?

Что-то изменилось вокруг, влажный весенний ветерок вдруг стал порывистым, кроны хвойного леса тревожно зашумели.

Есть локализация. – Пришел доклад ИПАМа.

Где?

На поляне подле дома.

Оставайся на связи. Держи все под контролем. Не вмешивайся без приказа, но фиксируй происходящее. – Отдав мысленное распоряжение, Антон направился к дому, шагая по тропинке, ведущей через холм.

* * *

ИПАМ оказался прав: Светлов явственно воспринимал присутствие посторонней личности по мере приближения к поляне, посреди которой стоял дом.

Чувство оказалось двояким. С одной стороны он уже без помощи кибернетической системы мог определить примерное местоположение незваного гостя, но с другой, он не «слы-

шал» ауры мыслей, которая, как шлейф, сопровождает каждого человека, попавшего в виртуальные миры. Ведь здесь, по сути, присутствовало только сознание, своими волевыми усилиями формирующее те или иные образы. Сам Антон никогда не забавлялся трансформациями, тщательно оберегая с таким трудом созданный баланс собственного мира, а другие личности, попадая на просторы виртуальных миров, забавлялись вовсю, и единственным верным признаком, по которому можно было определить человека, принявшего какую-либо, не свойственную форму, была неизменная аура мыслей.

В данный момент Светлов не чувствовал ничего кроме тревоги... или даже отчаянья, но с уверенностью судить: принадлежат эти эманации ему лично, или пришлому фантому, он не мог. Все как-то странно смешивалось, порождая неопределенность.

Наконец тропинка вывела его из лесной чащи.

Подле дома стоял призрак.

Такое утверждение может показаться парадоксальным для виртуального пространства, но иного сравнения Антон подобрать не смог. Именно призрак, потому что через фигуру молодой женщины просвечивали стволы деревьев.

– Кто ты? – спросил Антон, подходя ближе.

Она не шелохнулась, не шевельнулись плотно сжатые губы, но ответ пришел, слабый будто шепот:

Не узнаешь меня?

Светлов всматривался в нереальные, зыбкие, почти прозрачные черты незнакомки и вдруг... Слабое воспоминание шевельнулось в груди.

Нет. Этого не может быть... Прошло столько лет...

Он откровенно растерялся, опешил, и не успел – именно не успел придать воспоминанию окончательную форму, как мир вокруг вдруг крутанулся, будто Антон являлся осью внезапно вращения и... все исчезло.

...Он еще находился под тяжелым, невыносимым для организма стрессом насильственного выхода из иной реальности и не мог сопротивляться тому, что с ним делали, лишь на смену фантомным ощущениям пришла реальная боль, он уловил запахи и звуки:

Приглушенный выстрел, грохот падения сферического предмета, шелест, когда поврежденный ИПАМ откатился в угол комнаты, грубое прикосновение сильных цепких пальцев...

– Наручники! Так отлично, инъекцию, пока он не очухался.

– Все, быстро забираем его отсюда.

Теперь уже реальный мир, едва прорвавшийся в сознание отдельными обрывочными проявлениями, вдруг начал стремительно тускнеть и отдаляться, будто сознание рушилось в бездонную черную пропасть...

Глава 2

Управление полиции

Он не очнулся полностью, лишь часть сознания вернулась в границы реальности, по неведомой Антону причине преодолев барьер введенных ему в кровь препаратов.

Благодаря вернувшемуся мироощущению, он смог понять, что лежит, накрепко прикованный к жесткому пластиковому ложу, вокруг высятся гротескные (в его половинчатом восприятии) блоки кибернетических устройств, приглушенные голоса слышались ему как будто издали, но ощущения *мыслей* – мучительное, дающееся с болезненными усилиями распознавание и осмысление речи, говорили в пользу того, что люди находятся рядом, они следят за показаниями различных приборов, которые в данный момент сканировали его разум, перебирая воспоминания далекого прошлого.

Он не хотел, но вопреки его воле, Светлову приходилось вспоминать события двадцатилетней давности...

– Мы произвели полное сканирование личности, – глухо, басовито пророкотал далекий голос.

– Он действительно знает ее? – Задал вопрос еще один, незримый для Светлова человек, который, судя по всему, являлся лицом, заинтересованным в получении определенной информации, а не сотрудником той «лаборатории» куда поместили Антона.

– Все намного сложнее, чем вы предполагали, господин Зарезин.

– Не понял? Я дал вам достаточно четкую, недвусмысленную «установку», – искать в его сознании образ, похожий на сделанный нами снимок виртуальной личности.

– Виктор Иванович, насколько я понимаю, фантом ускользнул от вас? Установить источник его генерации не удалось?

– Док, вы задаете лишние вопросы. Поверьте, вам же будет спокойнее...

– Вы не поняли меня, господин Зарезин. Мне важно знать: облик фантома точно соответствует физическому облику создавшего его человека или это маска?

– А вы сами к чему склоняетесь?

Наступила пауза.

– У меня свои моральные ценности полковник. Думаю, капитан Светлов нашел бы в себе силы вспомнить события двадцатилетней давности и честно ответить на вопросы без всякого давления. – Наконец произнес первый голос. – Разум Светлова пока что выдерживает прессинг, но нет ручательств, что подобные нагрузки не приведут к распаду его личности. Мы будим травматические воспоминания!..

Антон слушал далекие голоса, отчетливо понимая, что речь идет о нем. Неужели Миллер не контролирует датчики систем жизнеобеспечения? – Промелькнула в его сознании тяжелая, потребовавшая усилий мысль. – Или он специально дает мне хотя бы услышать окружающее?

Зачем? Он что-то недоговаривает Зарезину? Надеется, что я выдержу, и ему потом не придется оправдываться?

Его слабые мысли нарушил резкий голос полковника:

– Господин Миллер, запомните, в данный момент судьба Светлова меня не интересует! Под угрозой жизни *всех* людей. Он, возможно, обладает критически-важной информацией, а вы что-то там втолковываете мне о вероятных последствиях для его психики!

– То есть вы заставите меня в случае необходимости сломать его личность? – В голосе Миллера проскользнула плохо скрытая дрожь. Он боялся, хотя и пытался не показать вида, найти в себе силы хотя бы попробовать отстоять собственную точку зрения, но категорично-циничным ответ Зарезина ударил его, как по лицу, наотмашь:

– Да. Если потребуется вы, док, сделаете все, что я прикажу!

На несколько секунд в помещении повисла звонкая, гнетущая тишина, затем Миллер медленно произнес, с явным напряжением в дрогнувшем голосе:

– Я понимаю, вы военный, но, помилуйте, полковник, у меня тоже есть свои моральные ценности!.. Нельзя уничтожать личность ради обладания какой-то информацией. Это же извращенная форма убийства. Он вновь и вновь переживает мучительные фрагменты прошлого и...

– Док, заткнитесь! – Не выдержав, огрызнулся Зарезин. – Меня тошнит от ваших рассуждений! Вам, как и мне, поручено задание, которое необходимо выполнить! Повторяю, если вы не поняли: от этого зависит безопасность колонии! И не пытайтесь взывать к моим чувствам! Если приказ не исполните вы – я найду другого специалиста, будь вы все неладны!..

– Я понял... – Голос Миллера упал почти до шепота. – Законы молчат во время войны, верно?.. Этика, в том числе и врачебная, тоже должна заткнуться?..

– Генрих, перестаньте. – Теперь голос полковника вдруг стал пренебрежительным, видимо он посчитал, что достаточно запугал Миллера и теперь можно дать немного слабину. – Ну, хорошо, чтобы вам стало легче, я скажу, – этот призрак, которого мы пытаемся локализовать, вошел в сеть не с квартирного или офисного терминала. Физического прототипа девушки попросту нет среди населения города. Все проверено многократно, ошибки исключены, и, подчеркиваю: *только воспоминания капитана Светлова могут дать нам шанс локализовать источник вторжения в сеть!*.. Теперь понятно? Если он знает ее, то мне важно все, до последней мелочи – где, когда, при каких обстоятельствах он встречался с ней в «реале». Могу и без ваших изысканий предположить, что он видел ее во время секретной операции, двадцать лет назад, верно?

– В последний раз – да, он видел ее именно там.

– Что вы хотите сказать? Что были более ранние встречи? – Голос полковника Зарезина внезапно осип от волнения.

– Были. – Справившись со своими чувствами, уже немного тверже ответил доктор Миллер. – Хотя он едва ли связывает между собой эти события. Дело в том, что система анализа произвела разные виды поиска. Мы экстраполировали все образы, полученные из памяти капитана Светлова, и сделали одно важное наблюдение. Еще до создания СКАДА, когда наш город не имел структуры Цитадели, в нем уже существовала сеть и...

– Сеть существовала всегда. С самого основания колонии. – Раздраженно ответил Зарезин, перебив Генриха Миллера.

– Я понимаю. Но все же позвольте провести черту, – впервые Антон встретил эту девушку, вернее тогда она была еще девочкой, подростком, до запуска проекта «параллельных жизней». В последний раз они встречались в виртуалке, когда Светлову было двенадцать лет. – Миллер откашлялся. – Повторяю, – нарочито громко произнес он, – капитан Светлов не связывает те встречи с интересующим вас образом, но наши аналитические программы утверждают – это была она...

Последняя фраза Миллера буквально оглушила Светлова.

Он точно знает, что я все слышу... И некоторые его слова адресованы мне... Он что-то задумал, но панически боится полковника...

– Значит, прототип все-таки существует... – Пробормотал Зарезин. – Проклятье!.. По-вашему выходит, что она вторглась в сеть еще...

– Не понимаю, почему вы так упорно используете термин «вторжение»? За фантомным образом стоит человек, немного странная в своем поведении девочка, которая повзрослела, изменилась, и это привело к тому, что, увидев ее в реальности, Светлов не связал конкретную личность со своими юношескими воспоминаниями.

– Ладно, док, я начинаю путаться. Давайте, наконец, к делу. Раз появился более ранний материал – значит, начнем с него. Что вы можете мне предложить?

– Есть два варианта – вывод данных в виртуальную среду, или на монитор. В первом случае вы воспринимаете все, о чем думал Светлов, во втором видите только картинку и слышите речь. Выбирайте.

Опять наступила пауза.

– Давайте по полной программе, Миллер. Мне нужно в точности знать, откуда взялся этот призрак и как с ней связан Светлов.

– Хорошо. Вы сами приняли решение, потом не сетуйте, и за психологической помощью ко мне не обращайтесь, – профессор нашел в себе силы огрызнуться. – В соседнюю лабораторию, господин Зарезин. Там вас подготовят для входа в виртуальное пространство.

– А вы?

– Я останусь здесь. Инструкции предписывают не доверять автоматике и лично контролировать ее работу. Ведь так?

Ответом ему послужило молчание, а несколькими секундами позже Антон, начавший было воспринимать слабые источники света, вдруг вновь погрузился в немую темноту, где кружили, словно осколки цветных стеклышек в калейдоскопе, его воспоминания...

Прошлое...

Хмурые небеса к вечеру расплакались дождем.

Погода стояла осенняя, и строящийся город казался серым, неприветливым, даже освещенные окна жилых кварталов, блестящие от влаги ленты многоуровневых автомагистралей и яркие росчерки голографической рекламы не могли изгнать из души ощущение грусти.

Деревья в парках роняли пожелтевшую листву, все менялось, и Антон этим вечером будто прощался с детством.

Скоро наступят холода...

Он смотрел на панораму мегаполиса с одной и наивысших точек, – обычно гравибордисты собирались именно в таких местах, на площадках еще не достроенных зданий, где трудились молчаливые, равнодушные ко всему роботы и не ощущалось назойливого контроля со стороны систем общественного порядка.

Зато тут открывался простор для различных (порой рискованных и головокружительных) трюков.

На высоте полукилометра от поверхности каждое неверное движение может стать фатальным, но кто однажды вкусил настоящего *драйва*, уже никогда не вернется в тесные границы гравипарка. Там можно делать первые шаги, осваивать искусство управления гравибордом, но не более.

Антон снова посмотрел вниз, где по пульсирующим артериям городских магистралей двигались бесконечные потоки огней.

Нижние уровни мегаполиса тонули в полумраке, но память и воображение живо дорисовывали не видимую отсюда картину: среди построек цокольного этажа, отданного системам технического обеспечения, затерялось старый жилой квартал, там же находился и единствен-

ный чахлый парк, деревья которого помнили самые первые этапы строительства будущего мегаполиса. На краю парка приютилась скромная площадка для гравибордистов. Раньше, наверное, она выглядела вполне современно, но теперь смотрелась нелепо: во-первых, ее конструкции постарели и обветшали, а во-вторых, откуда у подростков, чьи родители опустили на самое дно социума, возьмутся деньги на покупку дорогостоящих гравибордов? Денег, естественно, не было, и свою первую «деку»⁵ Антон собрал, используя различные запчасти, найденные в контейнерах с городскими отходами, которые ежедневно доставлялись на огромную площадь перед системой мусоросжигателя.

Именно собирая свой первый «грав»⁶ он случайно повстречал Дану – девочку, которая здорово помогла ему определиться в жизни, оказала незаметное, но сильное воздействие на характер Антона.

Случилось это не совсем обычным образом.

Квартал городских построек, оказавшийся в результате строительства новых уровней мегаполиса на «технологическом» дне города, когда-то являлся полноценным местом проживания, здесь имела своя, сохранившаяся до сих пор информационная инфраструктура. Большинство квартир в неблагополучном квартале пустовали, и Антон, которому до смерти надоели родители, уделявшие сыну внимание только когда им нужно было на ком-то сорвать зло, давно перебрался жить в одну из таких пустующих квартир. Он не потерял ничего, а получил свободу. Все равно серьезный не по годам, рано повзрослевший мальчик был вынужден сам обеспечивать себя всем необходимым. Ему едва исполнилось одиннадцать лет, когда, насмотревшись на старших подростков, он начал мечтать о собственном гравиборде.

Светлов действительно отличался от других детей: задавшись какой-либо целью, он не просил помощи ни у родителей, ни у других ребят, а начинал действовать с недетской целеустремленностью, которой могли позавидовать многие взрослые.

Странный ребенок – сказали бы о нем люди, умеющие наблюдать, но квартал населяли изгой и неудачники, которым не было дела до серьезного и упрямого мальчишки.

Понаблюдав за старшими ребятами, он понял, откуда у тех взялись заветные «гравы».

Они были собраны из различных запчастей, которые можно было отыскать в контейнерах на большой технической площадке перед мусоросжигателем.

По прошествии нескольких месяцев он уже имел все необходимые компоненты, Антону даже повезло найти почти новую «деку», выброшенную в мусор из-за сгоревших генераторов антиграва.

Теперь, имея все необходимое, он мог воплотить в реальность свою мечту, вот только беда – он понятия не имел, как подчинить неисправные детали или собрать воедино функциональные запчасти?

Он попытался обратиться за помощью к старшим, но те лишь снисходительно усмехались в ответ. Только один из подростков (Антон даже не знал его имени) как бы между прочим обронил:

- Попробуй поискать схемы сборки в городской сети.
- Это как? – Опешил Антон.
- Просто. У тебя дома есть компьютерный терминал?
- Ну, есть.
- Так включи его. Читать умеешь?
- Да.

⁵ Дека (жаргонное) – собственно доска из специального материала, покрытая молекулярным слоем полимера, для надежного сцепления с подошвами специальной обуви гравибордиста. Подошва обуви и материал «деки» устроены таким образом, что при определенном движении ноги освобождаются и гравиборд можно «крутить».

⁶ «Грав» – сленговое название гравиборда.

– Ну, тогда вперед!.. Напиши слово «гравиборд» в строке поиска и смотри, что предложит тебе бесплатный информаторий.

Заметив, что мальчуган совсем растерялся от обилия незнакомых терминов, парень усмехнулся и вдруг достал из сумки небольшой сферический предмет.

– Знаешь что это такое?

– Не-а...

– Это ИПАМ.

– Ух, ты. Я слышал, что ИПАМы есть только у богатых.

– Не только. – Парень усмехнулся. – Этот не совсем исправен, модуль псевдоинтеллекта у него барахлит, но дельные советы на первый случай он тебе выдаст. Есть на что меняться?

Антон задумался. Ему в тот миг казалось, что нет в его распоряжении ничего дельного, достойного для обмена, но попробовать стоило... иначе он не простит себе, никогда не простит, что мог стать обладателем чудесной вещи и сдрейфил...

– У меня есть два заряженных энергоблока. Новых. – Он произнес это почти шепотом, – энергоблоки Антон берег для гравиборда, но устоять перед соблазном получить (никто не поверит) собственно электронного всезнайку, он не смог.

– Энергоблоки? Откуда у они у тебя?

– Я лазил в зону утилизации. – Признался Антон. – Выдрал из поврежденного кибермеханизма.

– Покажи.

– Пойдем, они спрятаны.

Сделка состоялась. Антон даже не почувствовал сожаления, когда расставался с накопителями энергии ради которых, без преувеличения рисковал жизнью.

Вернувшись домой (не на улице же пытаться активировать чудесное приобретение), Антон запер двери на дополнительный, собственноручно приделанный засов, и только тогда решился открыть потрепанную спортивную сумку с драгоценным грузом.

В жизни любого ребенка найдутся незабываемые минуты, переполняющие душу радостным и тревожным предвкушением *чуда*, такими оказались и эти мгновенья, которые Антон запомнил навсегда.

Положив сферический аппарат на стол, он некоторое время смотрел на него, не решаясь коснуться сенсора активации. ИПАМ олицетворял для него иную жизнь, которую плохо одетый и вечно голодный мальчуган мог наблюдать лишь издали. Он не думал в эти минуты, что слишком самостоятелен для своих лет, и чудеса творит он сам, – взгляд заморожено скользил по глянцевому, отблескивающей металлокерамикой корпусу, точечным видеодатчикам, расположенным по периметру окружности, плавным выступам струйных движителей, с помощью которых аппарат корректировал полет (что за сила позволяла подобным устройствам беззвучно парить в воздухе, Антон тогда еще не знал).

Наконец, вдоволь налюбовавшись своим приобретением и уняв непроизвольную дрожь, он коснулся пальцем единственного сенсора, расположенного на корпусе ИПАМа.

Серебристый аппарат, который Антон при желании мог бы накрыть двумя ладошками, вдруг приподнялся над поверхностью стола, без видимой опоры завис в воздухе, затем повернулся вокруг оси и, издав несколько тоновых сигналов, вдруг задействовал синтезатор речи:

– Вы мой новый хозяин, сэр?

Непонятно, как ИПАМ догадался о произошедшей сделке, но Антону сейчас было все равно, ему льстило вежливое и уважительное обращение, так с ним не разговаривал до этой минуты ни один человек или механизм.

– Да, – Ответил он. Равнодушного тона при этом не получилось, в коротком ответе сквозили нотки восторга и ИПАМ, обладающий способностью анализировать эмоциональное состояние человека, немедленно отреагировал:

– Вы радуетесь моему появлению?

– Да, а что в этом такого? – Антон все же немного терялся, не зная, как следует правильно общаться с подобными устройствами? Он впервые сталкивался с механизмом способным говорить,

Я должен что-то приказывать ему, или просто общаться как с равным? – лихорадочно соображал Антон. – *Наверное, все же следует отдавать какие-то команды...* – Он совсем растерялся. – *А вдруг обидится и улетит?* – Он даже украдкой покосился на приоткрытое окно, мысленно пожалев, что не запер его перед активацией чудесного устройства.

– Мой прежний хозяин был груб. – Тем временем изрек ИПАМ. – Он совершенно игнорировал мое истинное предназначение.

– А что он делал с тобой?

– Мной играли в футбол, сэр!.. – С явными интонациями в синтезированном голосе доверительно и в тоже время возмущенно сообщил ИПАМ. – Я едва не спалил антиграв, уворачиваясь от ударов.

Антон протянул руку, но ИПАМ не отпрянул, дав прикоснуться к себе.

– Я знаю цену вещам. И не стану использовать тебя как мяч. А ты, вправду мыслишь, как человек?

– Не совсем. Я могу обучаться, мои искусственные нейросети способны анализировать и запоминать информацию. Но человеческий мозг содержит в тысячи раз больше нервных клеток. Мне не сравниться с людьми.

– Странно. Мне ты не кажешься глупым. Будем знакомиться? Меня зовут Антон. А ты просто ИПАМ, да?

– ИПАМ, Искусственный псевдоинтеллектуальный автономный модуль. Моя задача – помогать астронавтам. Я посредник между людьми и машинами разной сложности, могу производить мелкий ремонт в труднодоступных или лишенных атмосферы местах, давать советы в различных ситуациях, касающихся технического обеспечения. При необходимости я записываю информацию и воспроизвожу ее. Кстати, Антон, почему не активен твой имплант?

– Имплант? А что это?

Тонкий лучик лазерной указки коснулся мягкой заглушки из пеноплоты, закрывающей овальное устройство в височной области за правым ухом Антона.

– Сканирование... – ИПАМ будто разговаривал сам с собой. – Попытка связи... Он не активен!

Антон неосознанно коснулся заглушки. Он помнил, что ее нельзя вынимать, да и боялся это делать, потому что однажды видел в зеркале, что за ней расположено странное овальное устройство, с несколькими отверстиями, похожими на компьютерные разъемы.

– Что такое имплант? – Повторно спросил он.

– Имплант это устройство, связанное с корой головного мозга человека. – Подробно, но непонятно пояснил ИПАМ

– Просто скажи – зачем он? – Антон сам того не заметил, как переформулировал вопрос, чтобы добиться понятного ответа.

– Как зачем?! – ИПАМ заложил беззвучный вираж и повис в метре от Антона, постоянно оставаясь в поле зрения мальчика. – Все очень просто, Антон. Тебе не обязательно знать технические подробности, но, включив имплант, ты сможешь поддерживать дистанционную связь с различными приборами, например со мной...

– Я что стану... как машина?

– Нет. – Поспешил успокоить его ИПАМ. – Ты сможешь управлять механизмами, при помощи правильно сформулированных мыслей. Еще имплант предназначен для доступа в сеть и получения различной информации.

– Вот в сеть мне и нужно... – Прошептал Антон, несколько обескураженный новым оборотом событий. – ИПАМ, а ты не врешь?

– Я не способен лгать. Если информация сомнительна, я не оглашаю ее пока, не проверю. Антон задумался. Ему было и страшно и любопытно.

– А что нужно, чтобы имплант заработал? – Он сделал шаг к окну и все же притворил его, для своего же спокойствия. – И почему он выключен, ты случайно не знаешь?

– Для включения достаточно подать сигнал возбуждения на микрочип. Порты удаленной связи исправны, я уже протестировал их. Относительно выключения данного импланта я могу лишь констатировать, что он бездействует шесть лет четыре месяца и три дня.

– Значит, родители отключили. – Сделал вывод Антон. – Ты не смотри что тут все так плохо, – мальчик имел в виду ободранные стены и покрытый рыжеватыми потеками потолок комнаты, под которым источала тусклое желтоватое сияние единственная, сохранившая функциональность осветительная панель. – Раньше мы жили на верхних уровнях, потом отец начал пить и потерял работу. Стало нечем платить за дорогое жилье, вот и пришлось перебраться сюда. Так мне говорила мама.

– А где сейчас твои родители, Антон? – Поинтересовался ИПАМ.

– Я ушел от них. – Скупое сообщил мальчик. – Пьют, наверное, где-нибудь, как обычно.

Его новый кибернетический друг некоторое время молчал, видимо оценивая полученную информацию, а затем произнес:

– Могу предположить, что имплант действительно отключен, одним из твоих родителей. Так поступают те, кто не ладит с законом. Через сигнал импланта легко отследить местоположение человека.

– Значит, если я включу имплант, меня арестуют?

– А ты совершал преступления?

Антон задумался.

Жизнь не баловала его, и ответить однозначно он не мог. Если запчасти, изъятые у предназначенных для утилизации машин не считать ворованными то, наверное, он не преступник.

– Ты сомневаешься?

Антон пожал плечами.

– Давай включим имплант и посмотрим. Ты же сможешь его выключить, если сюда вдруг нагрянет полиция?

* * *

К счастью для Антона все обошлось. Он лишь испытал странное не сравнимое ни с чем чувство, когда вживленный прибор начал работу – под кожей головы как будто пробежали мурашки, но потом это ощущение исчезло, зато в мыслях внезапно возник бестелесный голос:

Ты слышишь меня? Проверка связи.

Антон в испуге вздрогнул.

– ИПАМ я слышу голос!

– Это я послал запрос – кибернетический механизм вновь переключился на синтезатор речи, чтобы успокоить Антона. – Ты не должен бояться. Мысленная передача команд и прием информации, осуществленный на мнемоническом уровне, намного эффективнее, чем чтение с экрана или обычный разговор. Информация, получаемая через имплант, легче усваивается. Могу привести пример. Ты ведь умеешь читать и писать.

– Ну, да.

– А кто тебя учил этому?

Антон задумался.

– Не помню...

– Ты и не можешь помнить. Процесс обучения грамоте автоматизирован. Тебе было два года, когда он начался. В трехлетнем возрасте любой ребенок уже умеет не только правильно распознавать речь других людей, но, благодаря виртуальным обучающим модулям, он может читать и писать.

Антон пожал плечами. Он и вправду не помнил, чтение, как и речь, были для него естественны, как нечто само собой разумеющееся.

– ИПАМ, я устал. – Антон посмотрел на парящий неподалеку сферический аппарат.

– Это естественная реакция мозга на включение импланта. – Произнес тот, больше не прибегая к прямой передаче данных. – Тебе нужно отдохнуть, Антон. Когда проснешься, все встанет на свои места.

– А ты куда не исчезнешь? – Глаза Антона слипались.

– Нет. От добра, добра не ищут. – Ответил ИПАМ загадочной для Антона фразой.

Мальчик уснул прямо в кресле.

Его сон впервые за много лет был спокойным, без сновидений и тревог.

Разум Антона активно перестраивался, восстанавливая утраченные связи с имплантированным устройством, но он не осознавал и не ощущал этого.

Подле него, «приземлившись» на стол, чтобы не тратить энергоресурс антиграва, находился ИПАМ – небольшой кибернетический модуль, снабженный искусственными нейросетями.

Он следил за состоянием мальчика, одновременно ИПАМ вел поиск в сети, который практически не давал результатов. Пытаясь обнаружить подобные себе аппараты, он не находил отклика.

В нейросетях зарождался вопрос: почему?

Вразумительного объяснения не было. Это являлось тревожным знаком. Что-то случилось в колонии, если люди отказались от помощи кибернетических устройств, над созданием которых трудились не одно поколение инженеров и программистов далекой Земли.

* * *

Антон проспал больше суток, а когда очнулся от странного забытья, то первое, что он ощутил, был голод.

Впрочем подобное чувство Антон испытывал часто и хорошо понимал, – еду нужно добыть, что в условиях заброшенного квартала, затерявшегося меж промышленных зон являлось делом нелегким.

Можно представить его изумление, когда, открыв глаза, он сонно осмотрелся вокруг и внезапно заметил на столике, подле кресла небольшой поднос с несколькими герметично укупоренными контейнерами.

Их вид не оставлял сомнений о внутреннем содержимом, в такие разовые емкости автоматика супермаркетов паковала готовые обеды.

Сколько раз Антон, глотая слюнки, наблюдал за подобным процессом через толстое стекло витрины, пока его не отгонял охранник.

Что же случилось, пока он спал? Как тут оказалась еда?!

ИПАМ определив, что хозяин проснулся, активировал антиграв.

– Доброе утро, Антон.

– Слушай... – мальчик все еще не верил собственным глазам и потому пропустил мимо ушей вежливое приветствие. – Это ты принес? – Он не смог дольше сдерживаться, схватив

ближайший контейнер, открыл его, едва не обжегшись содержимым. – ИПАМ, ты, что украл для меня еду?!

– Осторожно, Антон, контейнеры саморазогревающиеся. – ИПАМ сначала предостерег его от возможных неприятностей, и только после этого позволил себе возмутиться: – Я не в состоянии украсть что-либо! Антиобщественные действия запрещены!

– Тогда откуда взялась еда? – У Антона закружилась голова от запахов пищи, он не мог сдерживаться, и начал есть, краем уха слушая пояснения ИПАМА:

– Я восстановил твой социальный статус. – Произнес тот ровным голосом, пока что избегая применять прямое соединение с разумом хозяина. – Человек рождается не для того, чтобы голодать или заниматься поисками пищи. Синтезаторы продуктов обеспечивают минимальные потребности любого члена общества. Активировав имплант, ты вернулся к нормальному существованию в рамках единой техносферы колонии.

Антон слушал незнакомые слова и лишь кивал, не пытаясь сейчас понять их смысл.

– Что я должен делать взамен? – Утолив острое чувство голода, спросил он, уже не так жадно вскрывая второй контейнер с пищей.

– Соблюдать законы, больше ничего. – Ответил ИПАМ.

– Значит... – мысли Антона следовали немного иными цепочками логических рассуждений, – значит, мне больше не нужно рыться в контейнерах с отходами?

ИПАМ возмущенно крутанулся вокруг оси.

– Я не понимаю, как люди вообще допустили подобное. – Ответил он. – В информационной среде колонии происходят непонятные для меня явления.

– И все-таки, – Антон с подозрением посмотрел на ИПАМа, – как ты достал еду?

– Я подключил энергию к каналу пневматической доставки продуктов. Затем заново зарегистрировал серийный номер твоего импланта, доказав системе распределения ресурсов, необходимость осуществлять поставки продуктов питания по указанному адресу.

– Ага, и система согласилась? – Недоверчиво переспросил Антон.

– А почему она не должна согласиться? Ты член общества. Наличие зарегистрированного импланта подтверждает данный факт. Люди для того и создали машины, чтобы не заботиться о ежедневном пропитании, используя свой потенциал по прямому назначению.

* * *

Верхние уровни строящегося мегаполиса

Дождь постепенно прекратился, но Антон все сидел в проеме окна строящегося здания, погружившись в задумчивые воспоминания.

Недавно ему исполнилось четырнадцать, но за два с половиной года, была прожита целая жизнь. Мальчик из нищего квартала не только повзрослел физически, превратившись в юношу, он стал мыслить иначе.

Он узнал, что такое сеть, и внезапно открыл в себе неодолимую тягу к знаниям. Никакого внешнего воздействия со стороны ИПАМа он не испытывал, его маленький кибернетический друг всего лишь открыл для разума Антона двери в иной мир, а дальше... дальше внезапно заработал собственный потенциал Антона, оказывается в мире было столько потрясающе-интересных вещей, что он сутками не покидал старенькое кресло подле компьютерного терминала, жадно, словно губка впитывая различную информацию.

Жизнь четко разделилась для него на две половины – до и после первого выхода в сеть.

ИПАМ ворчал: *нужно больше бывать на свежем воздухе*, а он ничего не мог с собой поделать, даже желание собрать гравиборд временно потускнело, отошло на второй план, ведь

он интуитивно угадал главную особенность виртуальной среды – здесь не существовало социальных градаций, отсутствовало понятие возраста, к оценке принимались лишь интеллект и коммуникабельность.

А гравиборд он все-таки собрал. Теперь мудреные чертежи и схемы, закачанные в рас-судок с сервера центрального информатория, уже не выглядели для Антона тайной за семью печатями.

Он узнал и понял смысл одного очень простого, но важного правила: «все, что сделано одним человеком, неизбежно может повторить другой».

В некоторые моменты ему казалось, что границ больше не существует. От обилия доступной и главное интересной информации голова шла кругом.

Такое случается со многими людьми, Антону повезло, он начал осознанно учиться, не из-под палки, не потому, что так нужно, а в силу интереса, необъяснимой тяги ко всему новому, тем более что сетевые технологии позволяли закачивать данные в непосредственно через имплант, и усвоение любого материала происходило в сотни раз быстрее,

Сейчас Антону вспоминал свои первые месяцы «виртуальной жизни» с чувством доброй, щемящей ностальгии.

Оказывается некоторые моменты можно пережить лишь однажды. Теперь он понимал смысл казавшейся странной поговорки: «...в одну воду не войдешь дважды».

Действительно, жизнь, как река. Он упивался своей сетевой свободой, учился, хотя его никто не заставлял этого делать, собирал свой первый гравиборд, на котором совершал пробные заезды в старом, так до конца и не достроенном парке... пока тот не стал ему тесен, как и общедоступные каналы сети.

В тринадцать лет, когда он попытался проникнуть в центральный гравипарк, и его вышвырнули оттуда дюжие ребята из службы безопасности, Антон окончательно понял что такое «социально неравенство» и какая неодолимая пропасть лежит между психологией сети и реальной жизнью..

Болезненный, несправедливый, но наглядный урок, преподанный в открытом для свободного доступа парке, перевернул сознание одной фразой, которую пренебрежительно произнес охранник:

– Здесь не место таким оборванцам, как ты, возвращайся на свою помойку и не суй сюда носа, понял?

С того памятного дня он начал жить и мыслить чуть иначе.

Антон снова посмотрел вниз, но в его взгляде не читалось ни злобы, ни отвращения.

Отыскав огни центрального гравипарка он усмехнулся своим мыслям.

Нет, настоящая свобода только тут, на огромной высоте, где грань фолла проходит по коварным недостроенным дорогам, а щекотливый холодок в груди обжигает, когда, балансируя на «деке», стремительно проносишься над пропастью, чтобы виртуозно вписаться в тускло освещенный проем огромной, не застекленной пока витрины, затем дальше, набирая скорость, в замысловатых трюках перепрыгивая через горы строительного мусора, пока вдруг не провалишься в бездонную шахту подъемника, ощущая, как гравиборд вибрирует под ногами, принимая в качестве опоры незримые для глаза электромагнитные поля...

Плавное парение, похожее на полет, ощущение бьющего с лицо ветра, несущего мелкую морось дождя, переизбыток адреналина в крови, – все это вызывает легкое головокружение, пьянящее чувство восторга, победы над собственным страхом...

Как и в виртуалке здесь, на стройплощадках постоянно растущего города все были равны, в местах негласных «тусовок» собирались подростки и молодые люди со всего мегаполиса, кичливых и заносчивых тут не терпели, занятие гравибордом на больших высотах, вне специально оборудованных зон, становилось экстремальным, рискованным видом непризнанного спорта. Сюда приходили за ощущением риска, настоящего *драйва*, и социальное неравенство

быстро стушевывалось, градации богатства или бедности оставались вне отношений, сложившихся между гравибордистами. Главное – как ты умеешь *скользить*, а остальное, по сути, не важно.

Этим и притягательны встречи на высоте.

Мимо Антона промелькнуло несколько стремительно скользящих друг за другом фигур, затем из сумрака стройплощадки (машинам, трудившимся над возведением зданий, не нужен яркий свет) появилась фигура худого подростка. Свой гравиборд он нес в руках. Присев рядом с Антоном он спросил:

– Посмотришь «деку»? Правый компенсатор барахлит. Чуть шею не сломал на развороте.

Антон обернулся. Клайда он знал давно, уже года два, наверное.

– Сам-то когда разбираться начнешь?

– Да не понимаю я... Ну посмотри, Антон, тяжело что ли?

– Завтра. Сегодня некогда.

– Ну ладно... – Разочарованно протянул Клайд. – Может, с собой возьмешь, дома посмотришь?

– Ладно давай. Да не всю «деку», дурень. – Антон освободил из креплений блок антиграва и положил к себе в спортивную сумку, напоминающую стильный рюкзак.

– Что уходишь уже? Наши только собираются. – Оставшийся без «грава» Клайд, с завистью посмотрел как Антон включил питание своего гравиборда.

– Дело у меня есть. Завтра посмотрю, обещаю. – Антон легко спрыгнул из оконного проема, привычным движением бросив свой гравиборд так, чтобы сразу почувствовать его под ногами, легкое изящное скольжение вывело его к каркасу строящегося скоростной автомагистрали. Для гравиборда – то, что нужно. Много металла, плавные закругления, – не драйв, конечно, а просто приятный, несложный спуск на скорости около ста километров в час.

Антон скользил над металлоконструкциями, не касаясь их, он следовал закруглениям строящейся дороги, иногда, чтобы сократить путь и ощутить непередаваемое на словах чувство свободного полета, совершал длинные прыжки, переходя на низлежащий уровень строящихся магистралей.

Через пару минут зона строительства осталась позади. Теперь он использовал в качестве «опоры» покрытый пенорезиной металлический отбойник, ограничивающий уже действующую скоростную магистраль.

Антон не влился в поток машин, но скользил чуть выше, двигаясь с гораздо большей скоростью, чем основной транспортный поток, сзади нервно взвизгивали полицейские сирены, но без флайбота вряд ли блюстителям порядка удастся остановить одинокого гравибордиста, дерзко проносащегося по самой кромке автобана.

Он спешил на свидание и проблесковые маячки только подзадоривали Антона, будоража желание задержаться на пару минут. и устроить им настоящее шоу.

Нет, после.

Он обещал не опаздывать.

* * *

Дома его ждал ИПАМ.

– Почта была? – Спросил Светлов, переодеваясь.

– Одно сообщение от Даны – ИПАМ облетел вокруг хозяина, затем переключил внимание своих датчиков на сверток с блоком антиграва. – Это для меня?

– Нет. Что в сообщении?

– Как обычно. – Ответил синтезированный голос. – Приду вовремя. Дана.

Странно, – Подумалось Антону. – Почему она каждый раз присылает подобные сообщения, если мы обо всем договариваемся заранее?

Пошло пол года как он познакомился с Даной, но до сих пор их отношения оставались неопределенными. Создавалось ощущение, что девушка (она была ровесницей Антона) вот уже несколько месяцев кряду внимательно присматривается к нему, пытаясь понять что-то очень важное. В то же время она упорно отказывалась от встречи в «реале». Свидания в виртуалке конечно тоже имеют свою прелесть, но иногда Антону казалось, что их знакомство «зависло».

- ИПАМ я в душ. Приготовь чистую одежду.
- Ужинать будешь?
- Кофе с тоником. Есть не хочу. Который час?
- Двадцать часов тридцать две минуты. Поторопись. У тебя встреча в девять вечера.
- Да помню я.

* * *

С Даной они обычно встречались на берегу залива.

Общедоступно виртуальное пространство являлось одним из проектов городских властей, здесь демонстрировалась модель города и терраформированных территорий, так, как это было запланировано в конечной стадии колониального проекта.

Антону нравилось бывать тут, хотя великолепие пышной природы и архитектурное изящество устремленного ввысь города выглядели (с его точки зрения) несколько утопично, как бы сказал один из его знакомых ребят: «не в этой жизни...»

– Дана! – Он окликнул девушку, одиноко стоявшую на пирсе, и дождавшись пока она обернется помахал рукой.

Она даже не улыбнулась в ответ, а лишь кивнула и вновь стала смотреть в даль, дожидаясь пока Антон подойдет к ней.

Те ощущения запомнились на всю жизнь, их не смогли вытравить из памяти ни страшные события двадцатилетней давности, ни новый уровень физической достоверности, привнесенный в виртуалку с момента включения программы «параллельных жизней».

Дана, как и Антон появлялась в виртуальном пространстве не изменяя свой внешности. Им обоим просто не приходило в голову как то видоизменять свой образ. Сказать что она была красавицей, означало солгать – четырнадцатилетняя девушка подросток, по своему симпатичная, немного нескладная в силу переходного возраста, но как и Антон слишком спокойная, уравновешенная, как будто знающая настоящую цену всем вещам и явлениям.

Странными были эти встречи.

Антону подсознательно хотелось чего-то большего, неосознанные желания вызвали чувство некоторой недосказанности, неполноценности их взаимоотношений, но все недостатки перекрывал один плюс: Дана (в отличие от многих виртуальных знакомых Антона) никогда ни на что не жаловалась, ничего не требовала от него, и в то же время легко, непринужденно дарила Антону то общение, которого ему так остро не хватало в реальной жизни.

Да, не смотря на широкий круг знакомых, он страдал от одиночества. Ровесники из квартала казались ему глупыми. В такой оценке не было пренебрежения, он как ИПАМ, просто констатировал факт: их уровень интеллектуального развития отставял желать лучшего, Антон конечно мог поддерживать беседу на том уровне общения, который предполагался среди подростков, но темы казались ему не интересными. На высотках среди «смешанной» тусовки, все разговоры так или иначе сводились к драйву, «гравам» и тоже не могли удовлетворить постоянно растущих интеллектуальных потребностей стремительно не по годам развивающегося рассудка.

Только Дана казалась ему в этом смысле близким и понятным человеком.

Они общались как друзья, хотя Антон зачастую испытывал смешанные чувства, ему хотелось прикоснуться к ее руке, но тот уровень достоверности, что существовал в сети более двух десятилетий назад, не позволял этого, а от встречи в «реале» она упорно отказывалась: просто говорила «нет», никак не мотивируя свою непреклонность.

– Красивый сегодня закат. – Дана присела на край гранитного ограждения пирса. – Только нереальный. Такого не бывает.

Антон посмотрел на фиолетово-лиловое солнце, чуть размытое по краям, медленно будто тягучая капля жидкого огня, стекавшего за горизонт и ответил:

– Так будет. Состав атмосферы изменится, я кстати недавно узнал что на полюсах планеты запланировано построить станции генераторов дополнительного магнитного поля, которое будет защищать биосферу от космических излучений.

– Такого не будет никогда.

– Почему?

– Мне кажется, колониальный проект неосуществим.

– С чего вдруг?

– Да так, мысли. Смотрю на модель и думаю: зачем все это? Зачем изменять природу, когда можно жить не вторгаясь в окружающую среду. Пусть бы она оставалась такой как есть.

– Пустыней? – Хмыкнул Антон.

– А что плохого в пустыне? Она хотя бы естественная. Чем лучше чахлые деревья, которые не растут а мучаются, медленно погибая, а их сажают снова, с упорством обреченных.

– Ну не все получается на первых порах. – Антон ненадолго задумался и добавил – Тут виноваты не люди, а состав почвы. В ней внезапно обнаружили токсичные химические вещества. Некоторые биологи придерживаются мнения что они не могли образоваться сами по себе в результате, например, прошлой вулканической деятельности, или естественных для современных условий внешней среды химических реакций.

– Еще одна загадка? – Дана едва заметно улыбнулась. – Люди странные. Вот ты Антон, – она посмотрела ему в глаза, – ты знаешь, зачем живешь?

Он пожал плечами.

– Не думал об этом. А что?

– А я думаю, периодически. Мне почему-то не хочется выходить из виртуалки. Здесь есть все, а если чего-то нехватает, то это можно придумать. Зачем тогда тратить годы, чтобы делать карьеру, накапливать вещи, сажать деревья, которые все равно зачахнут? Разве не справедливее оставить внешний мир в покое и жить тут?

– Идти по пути наименьшего сопротивления? Самим превратиться в тепличные растения, о которых заботятся машины? Нет, Дана, я так не хочу. В виртуалке красиво и интересно, но и у «реала» есть свои преимущества. Это же две стороны одной жизни, и только сложенные вместе они создадут гармонию.

– Не понимаю Антон, разве тут нет гармонии?

– Не-а... – Он присел рядом. – Вот хочу взять тебя за руку, но не могу. В виртуалке нет чувств. Они как отражение в зеркале – вроде бы рядом, а не достанешь.

– Чувства... Дана почему-то нахмурилась. – Не понимаю, зачем тебе брать меня за руку?

– Ну этого я объяснить не могу. Просто хочется и все.

– Некоторые твои желания кажутся мне слишком... – Она не договорила, внезапно замолчав.

– Что обиделась?

– Нет. Просто иногда ты становишься совсем непонятен.

Антон расстроился, но вида не подал.

- Пойдем, погуляем.
- Она согласно кивнула, честно предупредив.
- У меня осталось пятнадцать минут.
- Ты торопишься?
- Нет. Просто через четверть часа я исчезну. – Дана первый раз по-настоящему улыбнулась. – Как золушка.
- Почему ты всегда исчезаешь?
- Сама не знаю. Обрывается доступ. Пытаюсь с этим разобраться, но пока что безрезультатно.
- Ну ладно. Тогда не пойдем никуда просто посидим. Только ты предупреди, когда придет время?
- Ладно – Грустно ответила она. Будь моя воля, я бы вообще не уходила отсюда.

Она исчезла как и говорила, ровно через пятнадцать минут. Антон уже начал привыкать к этому, но однажды она исчезла навсегда, так, словно кто-то злой и незримый окончательно отказал ей в доступе.

Антон приходил на условленное место встречи, ждал сообщений от нее, но все зря.

В реальности прошло еще четыре года, но он так больше и не получил от Даны ни одной весточки.

Сначала он тосковал, но потом смирился, все реже приходя на пустой пирс.

А затем, когда Антону исполнилось восемнадцать, он по совету ИПАМа пошел в пункт вербовки и подписал контракт на учебу в специальной военизированной школе, с последующей обязательной службой в бригаде колониальной войск.

* * *

Настоящее...

– Интересный фрагмент воспоминаний. – Слова опять долетали до Антона как сквозь слой ваты. – Любопытная девочка и не менее странный мальчик.

– Почему вы называете Светлова странным?

– Они оба странные, Миллер. – Такие разговоры между вчерашними детьми, как минимум настораживают. Надо же.... В четырнадцать лет, не рановато ли?

– А в каком возрасте, по-вашему, *пора* задавать себе вопросы о смысле жизни? Когда все уже позади, прожито, и осталось лишь оглядываться назад?

– Язвите Генрих? Ну-ну...

– Нет. Просто мне интересно вы сами задавали себе подобный вопрос? Искали ответ?

– Не ваше дело. – Огрызнулся Зарезин. – ладно, оставим психологию, перейдем к делу. Док, вы уверены, что Дана и наш призрак – одно и то же лицо?

– Вы некорректно формулируете вопросы полковник. – Ответил Миллер. – Лицо... Даже странно слышать от аналитика такую фразу.

– Не придирайтесь. И не пытайтесь дерзить. Как вы ее идентифицируете? Не по духу же?

– Конечно, нет. Для этого недостаточно данных. Я лишь качественно выполнил порученное задание. Получив образ, мои специалисты произвели обратное моделирование, то есть получили облик молодой женщины от настоящего момента к прошлому с интервалом опорной модели в один биологический год. Простое сравнение полученных моделей с образами, хранящимися в памяти Светлова, дало стопроцентное совпадение – в четырнадцатилетнем возрасте он встречался в сети с девушкой, которая, повзрослев, стала вашим «призраком».

– Хорошо. Это означает, что она не скрывала своего облика, появляясь в сети?

– Да.

– Редкое явление.

– Согласен. Но Светлов, между прочим, тоже не пользовался возможностями виртуалки, чтобы приукрасить свою внешность.

– В этом они похожи. Но девушка, все равно странная...– Зарезину видимо доставляло удовольствие рассуждать вслух, акцентируя моменты, которые явно нервировали доктора Миллера. – Слишком холодная и рассудительная для своих лет. Кстати, зачем вы начали изда-лека, к чему эти воспоминания раннего детства Светлова, его самообразование, занятия гра-вибордом?

– Я хотел показать, как рос Антон.

– К чему?

– К тому, полковник, что вы вторглись в рассудок человека, который всего добился сам. И ни разу не предал тех, кому доверял или верил. А вот вы предали его.

– Опять вы за свое!?! – Вспылил полковник. – Я никого не предавал, и даже не был знаком со Светловым до последних событий!

– Вы не отделяетесь от меня так просто, господин Зарезин. – Глухо произнес Миллер. – Особый отдел не пугает меня широтой своих полномочий. Я достаточно известен, и, выполнив приказ, выполню и свой гражданский долг, – эти материалы станут достоянием общественности. Как показательный пример, – что может получить в награду человек, верно служивший своему городу...

– Миллер, вы играете с огнем! – С плохо скрытой яростью в голосе предупредил Зарезин. – Вам не приходило в голову, что идет затянувшаяся на два десятилетия война, и случиться может всякое? Например, парочка рагдов, *случайно* прорвавшихся к зданиям вашей лабора-тории? Что здесь останется? Пепел? Подумайте над этим, и не морочьте мне голову своей больной совестью. Следующий материал должен содержать только события, связанные с суще-ством проблемы. Иначе я не гарантирую, положительного отзыва о проделанной работе. Мы ищем ВРАГА! Заткните свою совесть и давайте, наконец, работать. Меня не интересует, как рос Антон Светлов. Важно знать, где и как он видел ее, сколько раз встречался, это понятно?! – Да. – Голос доктора опять дрогнул, поддаваясь вернувшемуся страху.

Как любой человек он не мог растоптать инстинкта самосохранения. Его негодование временами, фразами вырывалось наружу, и тут же гасло от соприкосновения с ледяной уве-ренностью полковника, который не бросал слов на ветер...

– К делу, Миллер!.. – Подхлестнул его голос Зарезина

* * *

Прошлое... Два десятилетия назад...

Их подняли по тревоге ранним утром.

Светлов уже забыл, когда в последний раз просыпался от прямого мнемонического вызова. Ощущение надо сказать неприятное, но мобилизующее.

Он резко сел, ИПАМ уже раскрыл встроенный шкаф с боевой экипировкой, который был разблокирован дистанционной командой, еще до пробуждения Антона.

Антон отбросил легкое одеяло, мысленным приказом распахнул окно⁷, ощутив, как в спальню ворвался влажный бодрящий воздух.

Пять часов утра.

Он знал, что сейчас по пустынным автомагистралям спящего мегаполиса, следуя строго определенным маршрутом, стремительно продвигается БПМ⁸, одного за другим забирая бойцов поднятого по тревоге взвода.

Что и где стряслось, он узнает через минуту.

Сержант Светлов был сдержанным человеком. Он не имел привычки сетовать на судьбу, тем более что свой путь Антон выбирал сам. Поэтому сейчас он не испытывал досады от прерванного сна, а молча и быстро экипировался, без суеты и лишних движений, затем взял из стойки ИПК⁹, проверил легко ли опускается компьютеризированное забрало боевого шлема, и только после этого произнес:

– ИПАМ, передай: я выхожу. Остаешься за старшего. – В нотках сухого голоса прозвучала легкая ирония. – Разрешаю вход в сеть для поиска информации. Думаю, к вечеру вернусь, – Светлов окинул взглядом спальню и добавил:

– Убери постель и закрой окно. Все я пошел.

– Удачи, хозяин. – Прозвучал ему вслед синтезированный голос.

Антон появился в дверях подъезда одновременно с тем, как к тротуару, резко затормозив, прижалась пятнадцатиметровая, оснащенная восьмью ведущими колесными парами боевая машина. Боковая рампа уже отодвигалась в сторону, открывая доступ внутрь десантного отсека.

Перешагнув низкий, окаймленный уплотнителем порог, Светлов занял свое кресло, пристегнулся, ощущая, как БПМ тронулась с места, резко набирая скорость, и, только совершив все необходимые операции, огляделся.

Рядом в соседнем кресле расположился заспанный Фогель. На Курта мнемонические команды действовали не так хлестко и однозначно, как на других. Взводный снайпер и в бою имел больше свободы для принятия решений.

– Как? – Антон пожал протянутую руку.

– Спать охота. – Откровенно зевнул Фогель.

– Куда выдвигаемся?

– Спроси у Крамера. – Пробурчал Курт. – Только смотри, он что-то злой, наверное, тоже не выспался.

Лезть с расспросами к взводному Антон не стал. Сейчас все соберутся, и Джон сам объявит цель неурочного задания.

На экранах обзора, образующих отдельные секции, пронеслась панорама спящего мегаполиса. Внутри десантного отсека было тепло и тихо, внешние микрофоны отключены, и гул водородного двигателя прорывался, как будто издалека, навевая дрему. Мощная приземистая машина плавно пронеслась по городским улицам, забирая последних бойцов взвода.

Лейтенант Крамер упорно молчал, что-то сосредоточено рассматривая на мониторах тактического терминала.

Снова распахнулась рампа, в салон вслед за капитаном Раневским пахнуло утренней прохладой.

⁷ Мысленные приказы человека поступают в буферное устройство импланта, где распознаются, затем преобразуются в машинный код и передаются по каналам беспроводной связи либо напрямую исполнительному механизму, либо устройству типа ИПАМ.

⁸ БПМ – боевая планетарная машина.

⁹ ИПК – одна из модификаций пистолета-пулемета системы Кердябина. В данном случае речь идет о модели штурмовой автоматической винтовки (по российской классификации оружия – автомате) с усиленным спецпатроном.

– Всем продрать глаза! – Вместо приветствия зло обронил ротный, проходя между креслами к командному модулю боевой машины.

БПМ плавно развернулась и, вырулив на северную магистраль, устремилась за городскую черту. Через некоторое время с включением сканирующих комплексов заработали и внешние микрофоны, передавая шелест литых колес, и низкий басовитый, явно приближающийся гул.

Антон посмотрел на секцию экранов верхнего обзора и толкнул локтем вновь задремавшего Фогеля:

– Вертушки.

Курт приоткрыл глаза.

– Дело дрянь... – спустя пару мгновений шепотом высказался он, рассмотрев в серой предраассветной мгле хищные контуры штурмовых вертолетов. Пять «К-800» нагнали боевую планетарную машину и теперь шли на предельно-низкой высоте, с воем рассекая лопастями винтов дождливую хмарь пасмурного утра.

Свет в десантном отсеке внезапно мигнул, сменившись на красноватое сияние.

Антон ощутил, как по спине пробежал холодок неприятного предчувствия. Что-то было не так, внутреннее чувство, скорее всего спровоцированное грозным видом машин сопровождения, подсказывало: это не заурядный патрульный выезд, и тем более не учебная тревога. Тогда что? За последние месяцы в районе мегаполиса не происходило ничего экстраординарного, да и вообще в течение двух лет службы Светлов, как и остальные бойцы, большую часть времени проводил в учебных выездах и тренировках, лишь изредка сталкиваясь со странными, не особо понятными, но и не очень опасными механоформами, пытавшимися атаковать конвои с продовольствием, следовавшим от расположенных на удалении от города агротехнических ферм.

Сидевший напротив Светлова Фриенбагер, заметив сопровождение, удивленно спросил:

– Что учебные стрельбы?

– Вряд ли. – Ответил Антон, покосившись на остальных бойцов своего отделения. Суханов и Плотников сидели молча, они тоже заметили вертолеты, но вопросов задавать не стали, а вот Станич нервно заерзал в кресле, Федоренко с Ганичевым вообще дремали, проигнорировав недавний окрик капитана.

– Полигон в южном направлении, а мы идем на север.

– К черному лесу что ли? – Немного побледнев, предположил Суханов.

В этот миг на дорожной развязке показались еще четыре боевых планетарных машины. Антон отчетливо видел, как они свернули на северную трассу и прибавили ход, нагоняя БПМ первого взвода.

– Похоже, точно идем к лесу. – Ответил он, кивком указав на экран. – Рота в сборе.

– Дрянное место. – Не удержался от комментария Фогель. – Жуть от него берет.

– Там техники старой навалено у опушки, – поддержал его Фриенбагер. – Сам видел. Раскуроченные планетопреобразующие машины, и еще какие-то непонятные обломки.

– Ты откуда знаешь? – Недоверчиво спросил Коля Федоренко,

– Года два назад мы ходили на сопровождение по северной трассе. – Охотно объяснил ему Клаус, которого не так давно перевели к ним из другого подразделения. Схлестнулись мы тогда со стаей рагдов, мало не показалось.

– А что сопровождали? – Поинтересовался Светлов, который в ту пору только заканчивал учебку.

– Вот этого сказать не могу. Техника тяжелая, сплошь бронированная, все механизмы внутри, а взводный нам пояснений не давал.

На некоторое время разговоры стихли. Четыре БПМ нагнали головную машину: у Антона вдруг возникло чувство тревоги. Всем составом подразделения они выезжали только на тактические занятия и учебные стрельбы. Про «К-800» говорить не приходилось, их он видел только

издали. Вообще-то сержант Светлов еще ни разу не бывал на серьезном боевом задании. За два года прошедшие после учебки он уже начал понемногу привыкать, что стоя в три-четыре рагда это наибольшая опасность, какую можно встретить за сотню километров от мегаполиса.

– А далеко сопровождали? – спросил он у Фриенбагера, вспомнив, что действительно слышал про взвод попавший в засаду у черного леса. Их тогда тоже поднимали по тревоге, но дальше патрулирования внешнего кольца городских автомагистралей дело тогда не дошло.

– Конечного пункта не знаю. – Признался Клаус. – Нас у леса рагды прижали, штук двести не меньше. Словно собрались со всей округи и ждали.

– Ну и? У них ведь лазеры слабые, броню не берут. – Фогель, оказывается, только делал вид что дремлет, на самом деле прислушиваясь к разговору.

– Там еще одна тварь была. – Ответил Фриенбагер. – Я лично ее не видел, но когда головную БПМ разнесло в куски, взводный дал команду на высадку. Вся колонна встала, и тут рагды навалились со всех сторон, пришлось помощь вызывать из города. У нашей машины колеса сожгли, весь полимер расплавился до дисков, так что через лес вездеходы с техникой вели уже другие подразделения.

– Отставить разговоры! – Лейтенант Крамер как всегда появился неожиданно. – Светлов, что тут у тебя за бардак?

– Обсуждаем оперативную обстановку. – Спокойно ответил Антон.

– А ты ее знаешь? – Крамер вопреки обыкновению не стал орать, напротив, его голос был необычайно глух. – Ладно, погадали и хватит. Мы выдвигаемся к сверхсекретному объекту, расположенному в четырехстах километрах от города севернее лесного массива. Задача – обследовать площадку изысканий (что за «изыскания» лейтенант не пояснил). Особое внимание уделять спецконтейнерам, подготовленным к транспортировке. По виду это обыкновенные пластиковые ящики длиной в три метра. Их эвакуация – главная цель всей миссии.

– Вероятное сопротивление? – Уточнил Антон.

– Нас будут прикрывать боевые вертолеты. Возможна встреча с крупными представителями враждебных механоформ. При обнаружении последних, докладывать на открытой частоте, в бой по возможности не вступать, пилоты примут координаты и уничтожат цели. Повторяю, наша задача отыскать и погрузить в БПМ контейнеры. По моим данным их двадцать штук.

Светлов хотел уточнить, почему контейнеры не могут вывезти на обычных грузовых вездеходах, но лейтенант видимо ожидал подобного вопроса и потому опередил реплику сержанта:

– Сегодня ночью на объект изысканий (он упорно продолжал оперировать не вполне понятным словосочетанием) совершено нападение. Мы получили сигнал бедствия и короткое сообщение, затем связь прервалась. Я сам понятия не имею, что там стряслось, тем более, – он многозначительно посмотрел на бойцов, – не знаю о содержимом контейнеров. Нам приказано доставить их в город любой ценой.

Вернувшись в тактический отсек, Джон Крамер бегло просмотрел данные обстановки.

Засечек на суммирующем экране систем сканирования хватало, чтобы заставить Крамера нервничать. Удивляла спокойная реакция капитана Раневского, отдававшего приказание экипажам машин сопровождения:

– Первый, земля на связи.

– Слышу тебя капитан.

– На датчиках БПМ множественные сигналы. Азимут двести – предположительно стоя рагдов.

– Вижу.

- Почему не маневрируешь?
- Есть проблема посерьезнее. Спутниковый контроль указывает на засаду. Сигналы неявные, но лучше подстраховаться.
- Не понимаю, тебя. – Раневский продолжал демонстрировать неестественное хладнокровие. – Выражайся точнее, первый.
- Под покровом леса скрываются крупные объекты. – Ответил ведущий звена прикрытия. – Спутник фиксирует лишь тепловые аномалии, но я думаю там затаились какие-то крупные твари, по тепловой сигнатуре похожи на олонгов. Ждут, когда БПМ войдет в границы лесного массива, а рагды задержат прикрытие у опушки.
- Ты рассуждаешь так, будто они могут координировать свои действия. И что за «олонги»? Не слышал о таких.
- Не знаю, что до вас доводят, а что нет, но мы месяц назад получили подробные данные по вероятному появлению новых видов механоформ. Олонги – что-то вроде хорошо бронированных вездеходов. Прогнозируемое вооружение – генераторы плазмы. Так что я не рассуждаю, а делаю выводы, исходя из полученных данных. Вполне может быть, что ошибаюсь, но давай лучше перестрахуемся, капитан, чем ты со своими ребятами въедешь прямо в ловушку.
- Хорошо. Твои предложения?
- Командир группы прикрытия видимо уже обдумал план действий, просто капитан Раневский вышел на связь раньше, чем он сам.
- У черного леса завалы старой техники. Их спихнули бульдозерами с дороги. Выводи БПМ под прикрытие металлолома, высаживай ребят, пусть найдут надежные укрытия. Мы отработаем по лесу из ракетных установок, – посмотрим, что там за «аномалии».
- Рагдов оставляешь нам?
- По обстоятельствам. Продержитесь минут десять, пока мы заходим на крупные цели.
- Понял тебя. Действуй. – Раневский обернулся к Крамеру. – Задача ясна, лейтенант? Командуй.

* * *

БПМ резко сошла с дорожного покрытия и теперь неслась по ухабам каменистой пустоши.

Черный лес приближался, еще не было видно отдельных подробностей, он появился темной полосой омертвевшей растительности, но рассмотреть его на экранах обзора толком не удалось – поле зрения видеокамер заслонили те самые нагромождения старой планетопреразрушающей техники, о которых упоминал Фриенбагер, и тут же поступила команда на высадку.

Резко открылась рампа, боевая машина снизила скорость, в проеме бокового выхода вдруг явственно проступили очертания сгоревших почвоукладчиков и прочей, изуродованной до полной неузнаваемости техники, – по обе стороны дороги протянулась настоящая свалка металлолома, освещенная ритмичными сполохами от работы зенитных установок притормозивших БПМ.

– Внимание, рагды! Действуем парами! – Антон, получив распоряжение Крамера, передавал его бойцам своего отделения. – Рассредоточиться, найти укрытия и доложить.

Первая пара, – Ганичев и Суханов, – уже выпрыгнули наружу, Фриенбагер и Федоровский отстегивались от кресел, когда мимо проема открытой рампы щедро сыпнуло росчерками лазерных разрядов, земля за бортом боевой машины как будто вскипела, взрываясь от мгновенного перепада температур.

Дымящиеся комья суглинка разлетались словно осколки, оставляя за собой неровные сизые полосы...

БПМ резко отвернула в сторону, продолжая вести огонь из орудий верхней полусферы.

– Пошли! Не останавливаться! – Светлов подстегнул окриком замешкавшихся у рампы бойцов, потом оглянулся на Фогеля и жестом указал на сумеречный силуэт планетообразующей машины.

Курт кивнул, подтверждая, что понял,

Покрытая свежими, дымящимися воронками земля встретила Антона хлестким ударом, он привычно сгруппировался, откатившись в нужном направлении, под самый борт древнего механизма, и тут же привстал на одно колено, вскинув ИПК.

Повсюду среди нагромождения старой техники били короткие очереди и сверкали ослепительные росчерки когерентного излучения. Судя по темпу стрельбы, рагдов оказалось не меньше сотни, и действовать они пытались по уже опробованной однажды схеме, – большинство юрких, летающих бестий устремилось за БПМ, но на этот раз люди оказались подготовлены к подобному маневру, – бойцы высадившейся роты, рассеявшись среди укрытий, вели огонь по вытянувшейся в воздухе стае рагдов, пока те не прекратили преследование бронемашин, разделившись на мелкие группы

– Ну, теперь держись Антон. Сейчас они на нас попрут. – Фогель отстрелял остаток магазина снайперской винтовки, сбив несколько опасно приблизившихся рагдов, и отпрянул в сторону, за выступ надстройки опрокинутой набок машины. – Перезаряжаю!

Светлов бил с колена, целясь по характерным отсветам, возникающим при работе лазерных излучателей. Попадать в цели размером не более футбольного мяча, мечущиеся в воздухе на приличной скорости, было непросто, но он успел заметить две вспышки явных попаданий, прежде чем плотный ответный огонь заставил его отступить к позиции Фогеля

– Сюда – Курт указал на огромную сквозную пробоину в корпусе почвоукладчика.

Они проскочили через обгоревшее нутро древнего механизма, оказавшись у самой опушки зловещего леса, о котором в городе ходили самые мрачные и противоречивые слухи. Прямо перед ними дорога, проложенная еще первым поколением колонистов, вливалась в мертвые заросли абсолютно черных деревьев, чьи узловатые, замысловато перекрученные стволы казались неподверженными влиянию времени, а вот ветви были достаточно хрупкими, чтобы ломаться под порывами сезонных ветров.

Вообще зрелище, открывавшееся взгляду, могло ввергнуть в шок неподготовленного человека: глухая, молчаливая стена корявых черных деревьев выглядела, как иллюстрация к страшной сказке... или декорацией для съемок фильма ужасов; под кронами омертвевшей растительности лежал хрусткий ковер сломанных ветвей, там гнезился сумрак, от которого к свету, оплетая узловатые колонны черных стволов, тянулись бледно-зеленые выюны: – это были земные растения, чьи семена рассеивали над площадью материка машины первичного терраформирования.

Выюны и еще несколько видов лианоподобных растений прижились, превращая мертвый лес в сюрреалистическую смесь живого с неживым, картину окружающего дополняли многочисленные свидетельства бушевавших тут некогда схваток – с десятков остовов сгоревших планетарных машин постепенно год за годом «вращались в землю» вместе с многочисленными обломками исконных обитателей планеты, – кроме «скорлупы» рагдов взгляд Антона фиксировал и более крупные обломки, принадлежавшие исчезнувшим механоформам.

Если верить той истории, что преподавали им на занятиях в школе подготовки младшего командного состава, первые поселенцы, высадившиеся на побережье океана, столкнулись с несколькими видами механизмов, оставшихся на планете от давно исчезнувшей расы. По историческим свидетельствам все крупные механоформы были уничтожены еще четверть века назад, хотя рассказ Фриенбагера прямо противоречил подобным утверждениям...

Короче ситуация складывалась неясная, Светлов, как впрочем и другие участники сегодняшней операции еще не подозревали, что новейшая история колонии будет написана здесь и сейчас...

Антон на секунду выглянул в пробоину, оценивая обстановку. К этому моменту все бойцы отделения доложили о занятых позициях, вели интенсивный огонь из укрытий, и только они с Фогелем все еще пробирались через завалы древней техники

– Сюда! – Антон указал на вросший в землю остов выгоревшей БПМ, броня которой служила хорошей защитой от лазеров.

Курт лишь молча кивнул в ответ, разговаривать сейчас было некогда. Пока они меняли позицию рагдов, похоже, только прибавилось: пять или шесть лазерных лучей одновременно впились в покрытую окислами обшивку оставшегося позади почвоукладчика, оставляя на ней вишневые пятна ожогов.

Фогель стрелял одиночными, экономя патроны, хотя снайперская модификация ИПК позволяла вести автоматический огонь, но начальная фаза операции не радовала, впереди еще дорога через черный лес и наверняка зачистка упомянутого Крамером «сверхсекретного объекта», так что боекомплект следовало беречь...

Еще две твари рухнули на землю, но со стороны сумеречного полога мертвых деревьев появлялись все новые и новые группы рагдов, словно черный лес порождает их в своих таинственных чащобах.

Кто знает, может так оно и есть?

В этот момент выпавшие из поля зрения Антона вертолеты сопровождения зашли на цель.

Предрассветные сумерки внезапно подсветила целая серия зарниц, – где-то километрах в пяти от позиций занявшей круговую оборону роты «К-800» разрядили реактивные установки залпового огня, накрыв несколько гектаров лесного массива.

Неистовое пламя разрывов рванулось к небесам, феерическое зрелище двух кратких, сферических, ярко-голубых выбросов¹⁰ на миг приковало внимание Светлова: похоже вертушки вели не поквadratный обстрел, а ураганный огонь по конкретным целям, две из которых только что взорвались, выдавая наличие термоядерной силовой установки.

Сокрушительный удар сдвоенной взрывной волны по большей части принял на себя молчаливый черный лес, но взрывы оказались настолько мощными, что меж деревьев несло сложенные ветви, упругий удар повалил часть нагроможденной друг на друга старой техники, вокруг все сдвигалось, скрежетало, даже стаю рагдов разметало по сторонам...

Секундное замешательство едва не стоило Светлову и Фогелю жизни.

Поднявшись на ноги, они оба посмотрели в сторону леса.

– Вот это рвануло... – Курт, не мог отвести взгляда от разгорающегося прямо на глазах яростного пламени, которое медленно поднималось ввысь, закручиваясь по спирали, подсвечивая грибообразные выбросы...

– Рагды! – Антон резко толкнул Фогеля, прижимая к обугленной броне старого планетообразующего механизма, и лазерные разряды пронесли мимо, зато Курт, мгновенно потерявший интерес к продолжающейся схватке боевых машин, резко развернулся, дважды выстрелив поверх головы Светлова.

К ногам Антона, отрикошетив от борта почвоукладчика упал рагд. Он хотел машинально отшвырнуть подбитую тварь ногой, но потом передумал:

– Прикрой.

Фогель кивнул, уже не отвлекаясь на далекое зарево

¹⁰ ...краткие, сферические, ярко-голубые выбросы – особенность термоядерного синтеза состоит в том, что реакция не самоподдерживающаяся, и требует специальных внешних условий. Даже полное, одновременное разрушение реактора не приведёт к сильному взрыву, реакция очень быстро затухает. Однако сильный взрыв может произойти из-за возгорания топлива для реактора, а именно изотопов водорода (дейтерий и тритий), которые по химическим свойствам практически неотличимы от простого водорода. Их повышенная взрывоопасность, на сегодняшний день, является одной из важных проблем, препятствующих внедрению водородных двигателей для автомобилей.

Пока Курт контролировал окрестности Антон, сноровисто действуя десантным ножом, вскрыл оболочку сбитого рагда, и несколькими точными движениями препарировал летающую тварь, изъязв у нее блок антиграва, который тут же переключал в свободный подсумок боевой экипировки.

– Порядок. – Антон выпрямился, вновь контролирую свою зону ответственности.

Вертолеты прикрытия уже развернулись над лесом и начали стремительный атакующий бросок, возвращаясь к позициям роты, прошивая пограничные кроны деревьев и густой, бледно-салатовый подлесок короткими очередями из тридцатимиллиметровых автоматических орудий. Каждый из «К-800» был оснащен компьютерной системой управления огнем, способной одновременно сопровождать до двадцати подвижных объектов, так что рагдам пришлось туго: повсюду сверкали вспышки попаданий, хлесткие, звонкие удары пробиваемого навывлет металла сопровождались шелестящим звуком падения обломков, потрепанный взрывными волнами черный лес ронял срубленные осколками ветви, в воздухе остро пахло дымом и терпким соком рассеченных лиан...

Не прошло и минуты, как рагды исчезли так же стремительно, как и появились, добавив к древним останкам, усеивавшим опушку леса и обочины дороги, около сотни сбитых сорочичей.

Антон сел, прислонившись спиной к нагретой от лазерных попаданий обшивке, вросшей в землю БПМ.

– Никогда не любил этих тварей. – Он поднял забрало боевого шлема, вытирая лоб.

– Да? – Иронично отозвался Курт. – То-то ты был рад, когда одна из них подкатилась прямо под ноги. – Он присел рядом и спросил: – Зачем тебе понадобился блок? Опять для гравиборда?

Антон кивнул.

– А в магазине не купить? – Не унимался Фогель. Не смотря на кажущееся хладнокровие, Курт все еще находился в состоянии нервного возбуждения короткой, но яростной схватки.

– В магазине продают отстой. – Коротко ответил Антон. – Не та мощь.

– Не понимаю я тебя, Светлов. – Произнес Курт. – Мало тут адреналина получаешь? Я, к примеру, сыт им по уши. Вот объясни к чему тебе рисковать?

– Я не рискую.

– Ну да. Видел я вас... глазам не уследить, голова кружиться. Там же шею запросто сломать можно...

– Ты про стройплощадки?

– Да.

– Извини Курт, ты не поймешь, пока сам не попробуешь. Здесь, в бою риск, а там свобода, настоящий драйв.

Фогель огляделся вокруг, потом повернулся к Антону и сказал:

– Ладно. Пошли. Взводный вызывает.

Усталость после короткого боя накатила как всегда неожиданно, казалось, еще секунду назад все мышцы полнились энергией, и вдруг тело как будто налилось свинцовой тяжестью.

Какой еще драйв? – Думал про себя Фогель. – *Тут за десять минут так заматаешься, что до БПМ добраться сил нет...*

Его мысли прервал приказ взводного:

– Всем отделениям – к машине!

БПМ уже выползала на дорогу, протаранив тупым, обтекаемым носом ветхий, проржавевший насквозь почвоукладчик.

Листы сорванного металла и детали каркаса с неприятным скрежетом царапали по дорожному покрытию. Наконец БПМ, остановилась, открыв обе бортовых ramпы.

Антон и Фогель заняли свои места последними, они прикрывали посадку подразделения, невольно по привычке считая бойцов.

Вроде бы все. Без потерь.

Сев в кресло, Светлов зашелкнул страховочные ремни и вдруг подумал:

Все только начинается.

* * *

Интуиция не подвела Антона. Этой ночью произошло нечто экстраординарное. Почувствовать, что события выходят далеко за рамки обыденности, позволила картина, открывшаяся взгляду, спустя четверть часа после того как колонна БПМ углубилась в лесной массив.

Черные деревья не горят – поваленные концентрическими кругами исполинские растения частично перегораживали дорогу, с двух сторон, разгоняя сумрак, полыхали чадные костры, повсюду вперемешку с обломанными ветвями валялись обломки исполинских механических форм.

– Это олонги. – Неожиданно произнес по связи капитан Раневский. – Мы считали, что данный вид механоформ уничтожен нашими предками.

Светлову еще не приходилось сталкиваться с подобными формами местной жизни лицом к лицу и сейчас он впервые смог оценить их воистину исполинские размеры.

Если бы пилоты машин прикрытия вовремя не обнаружили засаду, нанеся превентивный ракетный удар, страшно было даже подумать, какая судьба ожидала их всех.

Что же за «объект исследования» им предстоит осматривать? И сколько еще опасностей ждет на пути к нему?

– Клаус, – обратился он к сидящему напротив Фриенбагеру, – Ты раньше видел хитваров?

– Нет. – Покачал головой тот. – Только обломки да еще компьютерные модели. А что командир?

– Странно все это – Не стал скрывать обуревавших его сомнений Светлов. – Когда я окончил училище, и пришел служить, случались только мелкие столкновения с рагдами. Но нам преподавали устройство и способы борьбы со многими «реликтовыми механоформами». – Он выделил последние слова интонацией. – Как будто руководство колонии знало, что рано или поздно мы столкнемся с ними.

– А откуда они вообще берутся? – Вмешался в разговор Фогель. – Случайно этого вам в училище не рассказывали?

– Нет. – Антон немного подумал и добавил: – Не знаю, откуда появляются механоформы, но чувствую, стычкой у леса все не закончиться.

– Умеешь ты успокоить, командир. – Подал голос Суханов.

Светлов не ответил. Кроме прочего было множество иных странностей, о которых он думал и до сегодняшнего дня, но делиться сейчас с бойцами отделения своими соображениями он не стал. Во-первых, не поймут, во-вторых, не к месту подобные откровения.

– Ладно. Всем, осмотреть экипировку и оружие. – Перешел Светлов на привычный приказной тон. – О странностях поговорим позже, когда вернемся в город.

* * *

Вопреки пессимистичному прогнозу Суханова, дорога до «объекта» прошла спокойно.

Антон все время размышлял над внезапным боестолкновением у леса, но к однозначному выводу прийти не смог. В его рассудке не находила объяснения коллективная деятельность рагдов. Если они – реликтовые механизмы некогда существовавшей на планете цивилизации, то оставалось неясным, почему они сохранили функциональность, где их ремонтно-

техническая база, и так ли все правдива информация, об уничтожении всех крупных реликтовых механизмов? Утренние события свидетельствовали как раз об обратном – в лесу скрывались мощные и опасные механоформы, е чета рагдам. Антон прекрасно понимал, не прояви пилоты машин прикрытия должной бдительности, ситуация развивалась бы по иному сценарию: рагды связывают боем машины прикрытия а БПМ стараясь быстрее преодолеть опасный участок лесной дороги, прямиком попадают в засаду.

От подобных мыслей по спине пробегал неприятный озноб.

Воцарившееся в десантном отсеке напряженное ожидание окончилось лишь спустя несколько часов, когда головная БПМ плавно притормозила у спуска в огромную котловину.

– Внимание, мы на месте. – Раздался по связи голос капитана Раневского. – Командирам отделений получить маршрутные чипы. Выходим на прочесывание, всем соблюдать максимальную осторожность. Мы не знаем, что тут произошло. Напоминаю, главная цель – поиск и доставка в точку эвакуации контейнеров.

– Слышал – Шепотом произнес Фогель. – Ищем не выживших людей, а какие-то ящики. Светлов только пожал плечами.

– А кто тебе сказал, что тут работали люди? – Так же тихо ответил он. – Всем приготовиться. – Он отстегнулся и прошел по узкому проходу к тактическому модулю, получать чип с маршрутом своего отделения.

О том, что такое «секретный объект» каждый из бойцов смог получить самое непосредственное впечатление, как только закончилась высадка.

Огромная искусственно вырытая котловина на поверку оказалась исполинским раскопом, на дне которого взгляду открывались руины... города.

– Ни хрена себе... Кто же тут жил? – Не удержался Фогель.

– Явно не рагды. – Ответил ему Светлов. – Первое отделение двигаемся парами, наша зона – три параллельные «улицы» внимательно осматривать пространство внутри построек. Капитан сказал, что людей тут нет, на раскопках работали машины. Их состояние интересует нас во вторую очередь. Главное найти и доставить к границам котлована контейнеры. Вскрывать ящики запрещено. При обнаружении на каждый контейнер сразу же устанавливать маяк.

– Это на тот случай если нас убьют? – Мрачно поинтересовался Галич.

– Разговоры отставить! – Голос Раневского звучал нервно. – Не топчемся на месте, работаем!

Крамер вообще за последние четверть часа не «высовывался» на командную частоту. Было непонятно, что думает сам взводный по поводу полученного задания и текущей обстановки.

Светлов не стал выяснять, почему руководство подразделением взял на себя командир роты.

– Все пошли. – Он начал спускаться по отлогой насыпи, на которой четко выделялись множественные следы, оставленные гусеничной техникой.

Сзади нервно взвизгнуло приводами поднятое в боевое положение башенное орудие планетарной машины, над головой растекался равномерный гул вертолетов прикрытия, все вроде бы выглядело достаточно заурядно, если не брать во внимание сам факт существования на планете *города*, явно принадлежавшего иным, *исконным* обитателям планеты.

Внешний вид полуразрушенных построек пока что не давал никакой информации о их былых обитателях, но как только Светлов и Фогель вошли в теснину отведенной им для прочесывания улицы, в глаза сразу же начали бросаться некоторые характерные детали: к примеру, полное отсутствие окон или дверных проемов наводило на мысль, что перед ними не город,

а лишь фрагмент какого-то исполинского сооружения, тогда улицы вполне могли быть чем-то вроде внутренних коридоров, с которых непонятная сила снесла перекрытия.

– Под ноги посмотри. – Курт остановился.

Антон разгреб подошвой ботинка толстый слой белесой пыли.

Так и есть. Под наносами песка и пыли обнажились растрескавшиеся от удара плиты по цвету и фактуре копирующие материал окружающих построек.

– Это не улицы. Коридоры. – Озвучил свою мысль Светлов.

– Ясно дело. – Согласился Фогель и тут же добавил: – А нам не все равно?

* * *

– Курт ты что-нибудь понимаешь? – Антон на несколько секунд отключил коммуникатор, чтобы его вопрос услышал только напарник.

– Не больше твоего Антон. – Фогель нервничал и не мог скрыть своего состояния. Поверь, я никогда и ничего не слышал о существовании на планете *городов* иной цивилизации.

– Раскопки ведутся, наверное, не первый год. Заметил отвалы?

– Заметил. Там полно переломанных плит перекрытий. Сдается, это был город, не уступающий нашему мегаполису. Вопрос – кто его разрушил и почему от жителей колонии все держат в тайне?

– Сейчас попробую узнать. – Ответил Светлов. – Не нравится мне все это. Раскопки не могли поручить исключительно машинам, подобное решение граничит с глупостью. Здесь должны были находиться люди, контролировавшие работу машин. Но о них ни слова. Только ящики им подавай.

– Осторожнее с вопросами, Антон. – Мрачно посоветовал Фогель.

Они успели углубиться в теснину «улицы» метров на пятьдесят. Осмотр первых двух боковых помещений (внутри удалось проникнуть через широкие трещины в стенах) ничего не дал – они увидели примерно схожие по размерам комнаты: пустые коробки стен без крыши. Антон ногой расчистил небольшой участок, убедившись, что основа пола точно такая же как и материал мощения улицы – что-то вроде бетона, по крайней мере, материал оказался твердым, он не поддавался даже буру анализатора, в то время как стены имели меньшую прочность, они выглядели поврежденными по ним змеились трещины, верхний край выглядел неровным, осыпавшимся.

– Думаю, под нами есть еще уровни. – Произнес Фогель, заинтересованно наблюдавший за действиями командира отделения

– Да, похоже на перекрытие, – кивнул Светлов, включая коммуникатор.

– Один-один, вызывает лейтенанта Крамера.

– Слушаю. – Судя по фоновым звукам, сопровождавшим ответ, командир взвода покинул боевую машину и так же двигался среди руин города.

– Мы ищем только контейнеры или людей тоже?

Задав прямой вопрос, Антон ожидал прямого ответа, но Крамер не произнес ни звука, вместо него заговорил капитан Раневский, который прослушивал частоты связи, оставаясь в тактическом отсеке БПМ:

– Сержант, тебе неясен приказ? Мне повторить его?

– Желательно. – С вызовом ответил Антон. Ему не нравилось происходящее, он желал ясности, не взирая на последствия задаваемых вопросов.

Однако от капитана Раневского он добился лишь краткого повторения вводной задачи с угрожающим дополнением:

– Светлов, повторяю для тебя лично: мы ищем контейнеры. Их нужно найти и, если возникнет необходимость, защитить любой ценой. Ты давал присягу сержант. Выполняй полученный приказ, а вопросы оставь до окончания операции. Я лично отвечу тебе на них, понял?

– Понял. – Антон обернулся и кивнул Фогелю: *двигаемся дальше*.

* * *

Первый контейнер они нашли в конце «улицы». Трехметровый кофр из термостойкого пластика стоял у перекрестка, на его крышке перемигивалось несколько индикаторов, свидетельствующих о работе каких-то внутренних систем. Рядом с контейнером застыли два автономных транспортных модуля, иссеченные лазерными разрядами. Оба аппарата получили критические повреждения, из одного еще лениво высачивались струйки сизого дыма.

– Один-один, на связи. Вижу груз.

– Индикация работает? – Тут же отозвался Раневский. – Опиши состояние сигналов.

– Два зеленых один красный, расположены в ряд...

– Да, отлично, я вижу, – ротный переключился на камеру наблюдения, встроенную в боевой шлем Антона. – Контейнер нужно доставить на центральную площадь расположенную внутри периметра лагеря археологов.. Туда сможет сесть транспортный вертолет. Предаю маршрут движения...

Окончание фразы Раневского потонуло в зловещем, резанувшем по нервам скрежете.

Антон и Курт инстинктивно отпрянули от контейнера, но звук исходил не от кофра, – метрах в пяти от него появились клубящиеся облачка белесой пыли, той самой, что покрывала все вокруг, и внезапно в монолитном, как казалось, перекрытии обозначилась растущая на глазах щель.

Еще секунда и из расширяющегося проема появились...рагды!

Маленькие бестии, оснащенные двумя дисковыми поворотными механизмами, на которых крепились излучающие трубки лазеров, вырвались из образовавшегося провала, мгновенно атаковав людей.

– Проклятье!... – Фогеля отшвырнуло к стене, он едва не выронил оружие, когда произведенный в упор залп сначала ослепил его, а затем начал плавить материал боевого шлема. – Антон! – Заорал он, схватившись руками за голову.

Светлов, вскинув ИПК, отпрянул к стене, срубая короткими очередями появляющиеся в поле зрения механизмы; болезненный вскрик Фогеля застал его врасплох, – магазин оружия был уже почти пуст, времени на размышления не оставалось, он рванул на голос, уронив за собой светотермическую гранату, и, толкнув Курта за плечо, начал закрывать ближайшую стену, вновь вскинул оружие, готовый прикрыть действия напарника:

– Курт, снимай шлем!

На перекрестке полыхнула нестерпимая для глаз вспышка, но Антон вовремя отвернулся, а Фогель и так ничего не видел из-за оплавленного, поврежденного прямыми лазерными попаданиями шлема.

За стеной послышался аритмичный стук, – это рагды, попавшие под удар светотермической гранаты, падали, будто диковинные переспелые плоды...

– Дай помогу...

Антон выхватил нож, с трудом вскрыв заклинившие замки оплавленного шлема.

– Все дальше я сам! – Фогель почувствовал, что две половинки боевого шлема начали поддаваться, разъединяясь. – Не подпускай их! Я справлюсь!

Светлов на всякий случай шагнул вперед, чтобы Курт оставался у него за спиной, и перезарядив ИПК, в немой ярости ждал появления рагдов, но вокруг воцарилась звонкая тишина, лишь было слышно как потрескивают нагретые от взрыва стены, по которым на глазах про-

бегали все новые и новые трещины, будто их материал давно потерял прочность, и руины были готовы рассыпаться от любого физического воздействия.

Похоже рагдам конец...

Светлов осторожно прошел вперед и выглянул из-за закруглявшейся стены полуразрушенной постройки.

Десятка два рагдов валялись на перекрестке без каких-либо признаков функциональности.

Справа от Антона зиял квадратный провал размером приметно метр на метр, в воздухе витала сажа, в которую превратилась мелкая пылевая взвесь в момент взрыва.

Контейнер даже не оплавился от близкого взрыва, индикаторы на его крышке продолжали перемигиваться с прежней периодичностью.

– Светлов, что у тебя происходит?! – Раздался в коммуникаторе голос Раневского.

– Рагды. – Коротко ответил Антон.

– Что с контейнером?

– Да цел он, цел!

– Ты не ори сержант. Доложи обстановку. Почему нет видеосвязи?!

Сзади на плечо Антона легла рука. Он повернул голову. Фогель все-таки сумел снять поврежденный шлем, его правая щека припухла и покраснела, но в общем Курт выглядел нормально, разве что в глазах бегали искорки бешенства.

– Как?

– Жить буду. – Фогель достал метаболический имплант¹¹, и вогнал его разъем в ответное гнездо у себя на бедре.

– Светлов ты с кем разговариваешь? Я задал вопрос, почему не отвечаешь.

– Фогель получил ожег. Нас атаквали рагды. Видеоряда не будет, камера накрылась.

– Откуда взялись рагды?! – Создавалось впечатление что Раневский не владеет обстановкой, хотя, оставаясь в тактическом отсеке БПМ, он должен был воспринимать и контролировать так называемое «цифровое пространство боя» – к нему по каналам телеметрии стекались все данные с сенсорных устройств встроенных в экипировку подчиненных.

– У меня непонятны помехи. – Нехотя осведомил он Светлова. – Телеметрия данных периодически пропадает. Докладывай сержант. Откуда появились рагды? – повторил он вопрос.

– Из-под перекрытия, капитан.... Сейчас передо мной открытый проем площадью около квадратного метра. Куда ведет – понятия не имею. Рагды появились оттуда, как только мы приблизились к контейнеру.

– Где они сейчас?

– Валяются по всей улице. Я их спалил светотермической гранатой.

– С ума сошел?! – Казалось, что Раневского сейчас хватит удар. – Ты же мог разрушить контейнер!

– Ничего с вашим контейнером не случилось. – Сдерживая ярость, ответил Светлов. – Даже не оплавился, индикация сигналов прежняя.

– Срочно эвакуируйте его оттуда. Ты понял меня, сержант?!

– Да понял я... – Антон решил, что тратить нервы на капитана в данный момент – пустое занятие. – Остальных предупредите.

– Сам разберусь. – Огрызнулся Раневский.

Фогель тем временем подошел к краю провала, и достал из подсумка гранату.

– Курт, осторожнее. Хрен его знает, что там...

¹¹ Метаболический имплант применяется в полевых условиях, когда повреждена система жизнеобеспечения, боевой экипировки. Имплант прогоняет через свои устройства кровь, очищая ее от вредных веществ и обогащая кислородом.

– Думаешь, сильно рванет?

– Откуда мне знать? Убери гранату. Давай сначала оттащим контейнер в сторону.

Фогель зло сплюнул.

– Дался тебе этот контейнер. Ты что, не видишь ничего вокруг?! Посмотри! – Он пнул оплавленный, но не потерявший сферической формы корпус рагда. – Остаточные реликтовые механоформы? Гнездятся они тут! Теперь ответь, Антон, что если в контейнере еще какая-нибудь «исконная форма»? Никто ничего не знал об этом месте. И мы спокойно потащим к себе домой, в свой город какую-нибудь дрянь?

– Уймись. – Мрачно посоветовал Светлов. – Раневский только что напомнил мне о при-
сяге. Мы исполняем приказ.

– Ладно... Погорячился. – Фогель покосился в сторону провала и все же добавил: – Не понимаю, почему Крамер как воды в рот набрал.

– Думаю, ему тоже посоветовали заткнуться и исполнять приказы. – Ответил Антон, одной рукой берясь за специальную выемку с ручкой, расположенной в торце кофра. – Понесли, оттащим метров на сто, там видно будет, что делать дальше.

* * *

Оттащив контейнер на безопасное по их мнению расстояние, они вернулись к провалу, откуда появились атаковавшие их рагды.

– Посвети. – Антон опустил ствол ИПК, приготовившись открыть огонь, если внизу обнаружится что-то враждебное.

– Ты сканируешь? – Фогель включил фонарь.

– Сканирую. Никаких аномалий.

Луч фонаря ударил в темноту, мгновенно рассеяв мрак.

Небольшое кубическое помещение, открывшееся их взглядам, имело несколько боковых проходов, исполненных в виде труб, небольшого диаметра, по которым могли передвигаться разве что рагды.

– Транспортная система? – Предположил Фогель.

– Похоже.

– Что будем делать?

– Свети. – Антон прыгнул вниз и установил в центре кубического помещения сенсорную мину. – Без нужды разрушать коммуникации не стоит. – Пояснил он, выбираясь наружу. – Но если трубы действительно служат для перемещения рагдов – им не...

Антон осекся, – в двух «кварталах» от их позиции взъерился и тут же утих автоматический огонь.

Светлов переключился на частоту взвода.

– Первое отделение, доложить о состоянии!

– Вторая пара, все в порядке. Нашли контейнер. Продвигаемся согласно схеме. Сопротивления нет.

– Фриенбагер?

– Здесь.

– Что у тебя? Почему не отвечаешь?!

– Стрельба за соседними руинами. Впереди наблюдаю четыре... нет, пять квадратных провалов. Контейнеров не вижу.

– Не подходи близко. Остановись и сканируй. – Антон продолжал отдавать приказы, обращаясь ко всем бойцам отделения: – Соблюдать особую осторожность на подступах к перекресткам, контейнерам либо квадратным провалам. Рагды появляются именно из таких прямоугольных отверстий. Они, видимо, соединены между собой коммуникациями низлежащего уровня.

Эффективный способ борьбы с рагами – термические гранаты. По мере движения обнаруженные «провалы» минировать сенсорными минами, взрыватель ставить на детекцию движения. Датчики ориентировать по выходным отверстиям коммуникаций. Связь каждые пять минут. Мы с Фогелем двигаемся к лагерю археологов, все найденные контейнеры приказано доставлять туда.

Отдав необходимые распоряжения, Антон осмотрелся по сторонам.

Над руинами загадочного города вновь воцарилась глухая тишина, нарушаемая лишь отдаленным басовитым гулом вертолетных движков, – машины прикрытия поднялись выше, чтобы увеличить площадь охвата для сканирующих систем и орудий нижней полусферы.

Фогель медленно двигался к перекрестку. Из-под ног снайпера поднимались белесые облачка вездесущей пыли.

– Слушай Антон, я вспомнил. – Произнес Курт, остановившись подле контейнера.

– Что такое?

– Видел я однажды подобные кофры.

– Интересно где? – Спросил Светлов, берясь за ручку.

– В одном из городских медицинских центров.

– И что? Ты знаешь, для чего они предназначены?

– По-моему это автономные камеры для транспортировки пострадавших. В тот день, когда я видел подобные штуки, в городе произошла крупная авария...

– Хочешь сказать, что в контейнерах люди?

– Можно проверить. – Фогель склонился к небольшой встроенной панели управления расположенной на скошенной части крышки, как раз под индикаторами. – Не могли же на раскопках работать одни машины.

Антон подошел ближе, постоянно осматривая близлежащие руины, но те казались вымершими покинутыми.

– Что ты задумал?

– Пытаюсь добиться от системы отчета. Сейчас, это несложно, если автоматика стандартная.

Антон не одобрял такой любознательности, но и одергивать Фогеля не видел причин. Их загнали сюда, толком ничего не объяснив. Нужен хотя бы минимум информации: случись любое обострение ситуации, что, спрашивается, делать с этими таинственными кофрами, бросать или защищать до последнего?

– Есть, Антон! Ты только взгляни на это!

Фогелю действительно удалось добиться отчета о содержимом: теперь небольшой экран осветился, и на нем появилось условное изображение человеческой фигуры, в правом верхнем углу, кроме постоянно меняющихся данных высветилось черты лица заключенной внутри кофра (который на самом деле оказался сложным устройством для поддержания жизни) девушки.

Судя по всему, она находилась в бессознательном состоянии. Светлов несколько секунд смотрел на появившиеся черты лица незнакомки, а затем произнес:

– Курт она ранена?

– Не похоже командир. Система утверждает, что все биологические показатели в норме. Возможно она сотрудница работавшей тут экспедиции, и системой автономного жизнеобеспечения воспользовалась, ища укрытие? Нам же говорили что ночью было нападение на лагерь археологической экспедиции.

– На секретный объект – уточнил Антон.

– Какая разница. Лавное мы теперь знаем – внутри контейнеров люди. Те кому удалось спастись, воспользовавшись аварийными камерами поддержания жизни.

Светлова такое объяснение не устраивало, но с фактами не поспоришь. Внутри контейнера действительно находился человек, вот только он не мог понять: посему им врут, или по крайней мере стараются держать в неведении относительно груза?

– Странный способ эвакуации, не находишь? – Он покосился на контейнер, внутри которого, под слоем термостойкого пластика находилась автономная камера, что-то наподобие индивидуальной спасательной капсулы, с огромным ресурсом автономии. Такие устройства он видел лишь однажды, в музее колониальной техники. Если Светлову не изменяла память подобными средствами индивидуальной защиты оснащались первые экспедиции поселенцев, исследовавших территорию материка. Но то было понятно и оправдано, люди уходили за тысячи километров от места посадки колониального транспорта, случиться на неисследованной планете могло всякое, возможность немедленной эвакуации в таких условиях представлялась не всегда. Но к чему подвергать себя капризным, часто дающим сбои процессам низкотемпературного сна, когда помощь рядом? Четыреста километров до города. Неужели они не могли продержаться несколько часов, даже если на археологов напали рагды?

– Курт, проверь, тут не было токсичных выбросов? – Приказал Антон.

– На сканерах все чисто. Обычный состав воздуха. – Ответил Фогель.

– Посмотри ту оборванные шлейфы – Светлов указал на несколько не замеченных ранее коротких оптоволоконных кабелей. – Система поддержания жизни была соединена с периферийными устройствами.

– Я ничего не понимаю, командир. – Фогель выпрямился, озираясь вокруг. – Какие периферийные устройства? Это же спасательная капсула, верно?

– Не знаю. – Ответил Светлов. – Думаю, надо продвигаться к точке сбора. Там все разъяснится.

– Ой, ли? – С сомнением буркнул Фогель, взявшись за ручку, расположенную в торце агрегата жизнеобеспечения. – Зачем нам приказано двигаться к центру развалин, вместо того чтобы выходить из них, эвакуируя спасенных?

Антон приподнял тяжелую ношу и ответил:

– Давай выполнять приказ. Дальше будет видно.

Глава 3

Настоящее...

– Прекрасная работа, док!.. – Голос Зарезина вновь пробивался сквозь дурман полубеспамятства. – Значит девушка, находившаяся в камере поддержания жизни, и Дана из воспоминаний юноши, – одно и то же лицо?

– Да.

Антону с трудом удавалось связно мыслить, но если следовать логике развития ситуации он вообще не должен был слышать голосов, слабое полусознанное восприятие внешних раздражителей являлось едва ли не чудом.

Чудес не бывает. Светлов старался запомнить каждую долетавшую до его слуха фразу, он по-прежнему не находил сил шевельнуться, не ощущал собственного тела, и тем загадочнее выглядели периодические проблески сознания, будто ему специально давали возможность почувствовать реальность в коротких промежутках между насильственными экскурсами в глубины собственного подсознания, которое, оказывается, хранило все, каждую мелочь, каждую мысль или совершенное два десятилетия назад действие. Все происходило, как наяву, Антон понимал, что заново переживает события и эмоции далекой поры, доказывая тем самым, что человек действительно помнит каждый прожитый миг, просто воспользоваться хранящейся в подсознании информацией невозможно без специальных тренировок... или соответствующей техники и препаратов.

Воспоминания являлись для него мучительными, а «доброжелатель», в лице Генриха Миллера, позволивший Антону воспринимать фрагменты реальности, казался садистом-извращенцем, только подливающим масла в огонь.

Лучше бы он не слышал разговора между доктором и Зарезиным, не знал, что на самом деле проделывают с ним, во имя доктрины безопасности колонии...

– Теперь вы видели полковник, где и при каких обстоятельствах Светлов сталкивался с образом вашей таинственной незнакомки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.